

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 6

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ!

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы,
О, тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хотъ разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю...

Стереть бы потъ дневного зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!... —
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
«Нѣтъ отдыха! Впередъ, впередъ!

«Взгляни на ниву: пашни много,
«А дня немного впереди.
«Вставай же, рабъ лѣнивый Бога!
«Господь велитъ: иди, иди!

«Ты купленъ дорогой цѣною,
«Крестомъ и кровью купленъ ты:
«Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
«Борись, борецъ, до поздней тѣмы!..» —

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ..
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судъ Твоемъ!

Иду свершать въ трудъ и потъ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотъ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для стѣва Твоего.

Хомяковъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 6

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

---

1 9 2 8

О РЫЦАРСКОМЪ ДУХЪ.

Сердце чисто созижди во мнѣ,
Боже, и духъ правъ обнови во
утробѣ моеи.

Пс. 50.

Во всей великой смутѣ нашихъ дней, среди крушеній, бѣдъ и утратъ, въ раздорахъ и соблазнахъ — мы должны помнить одно и жить однимъ: поддержаніемъ и насажденіемъ *духа рыцарственнаго служенія*. Прежде всего — въ насъ самихъ; а потомъ — въ нашихъ дѣтяхъ, въ нашихъ друзьяхъ и единомышленникахъ. Мы должны беречь этотъ духъ, какъ святыню; мы должны укрѣплять его въ тѣхъ, кто довѣряетъ намъ, кто совѣтуется съ нами, кто ищетъ нашего руководства; мы должны подсказывать его нашимъ руководителямъ и пастырямъ, настаивая и даже требуя. Ибо этотъ духъ есть какъ бы воздухъ и кислородъ русскаго національнаго спасенія; и тамъ, гдѣ онъ изсякаетъ, немедленно начинается атмосфера гніенія и разложенія, явнаго или скрытаго большевизма.

Десятилѣтія, переживаемыя нами, таковы, что людямъ, привыкшимъ держаться на безразличныхъ и теплопрохладныхъ позиціяхъ, и не могущимъ или не желающимъ окрѣпнуть и совершить выборъ — приговоръ оказывается подписаннымъ заранѣе: они обречены болоту и униженіямъ, а жизненные силы ихъ будутъ использованы міровыми соблазнителями. Всюду, гдѣ *нѣтъ воли* — за видимымъ безволіемъ рано или поздно выступитъ воля сыновъ погибели; всюду *гдѣ советъ молчитъ*, а жадность раздваиваетъ душу — большевизмъ уже побѣждаетъ; всюду, гдѣ *грубое властолюбіе однихъ разоряетъ несытое честолюбіе другихъ* — готовится соблазнъ, распадъ и торжество врага. Всюду, гдѣ слабѣетъ или исчезаетъ духъ рыцарственности — бѣда уже ждетъ у двери. Такъ обстоитъ нынѣ; такъ будетъ и впредь.

На какомъ бы посту ни стоялъ человѣкъ, этотъ постъ (если только дѣло его само по себѣ не позорно) имѣеть свою *идею*, осмысливающую его дѣло, освящающую его, не какъ службу, а какъ *служеніе*, какъ служеніе *единому Божьему Дѣлу на землѣ*. Въ отличіе отъ самого субъекта, имѣющаго свои личные интересы, симпатіи и вожелѣнія, Божіе Дѣло имѣеть свои *Предметные пути, необходимости и требованія*. И вотъ, личные интересы человѣка и Предметный интересъ его дѣла каждый мигъ могутъ разойтись и поставить человѣка передъ искушеніемъ своскорыстія. Каждый мигъ человѣкъ можетъ оказаться въ положеніи торгаша, не знающаго, на что рѣшиться, или въ положеніи предателя, предпочитающаго *свой* интересъ — *Предметному*.

Духъ рыцарственности состоитъ въ *стойкой вѣрности Предметному пути*.

Есть люди, совсѣмъ не видящіе Дѣла и не постигающіе Предметныхъ требованій. Они знаютъ только *свое* — личный успѣхъ; а все остальное есть для нихъ *лишь средство*. Вся ихъ дѣятельность оказывается *прислуживаніемъ и предательствомъ*; и отъ дѣятельности этихъ карьеристовъ, льстецовъ, взяточниковъ и временщиковъ всегда гибли и *будутъ гибнуть* всѣ человѣческія организациі и учрежденія. *Продажность* есть ихъ девизъ — все равно, за что бы они ни продавали Дѣло, за деньги, за честь или за власть; и все равно, что бы ни скрывалось въ душѣ за ихъ предательствомъ — откровенный нигилизмъ (какъ у большевиковъ), или сентиментальная безхарактерность и оправдывающаяся софистика (какъ у пред-большевицкаго обывателя).

Есть другіе люди, знающіе о требованіяхъ Дѣла и Предмета, но относящіеся къ нимъ съ формальнымъ безразличіемъ, какъ къ тяжелому и непріятному долгу или постылой неизбѣжности — безъ любви, безъ вдохновенія, безъ творчества. Ихъ дѣятельность — есть «*служба*», а ихъ служба есть отбываніе очереднаго «приказа» или «номера»: они работаютъ, какъ наймиты, въ лучшемъ случаѣ только не кланущіе свой трудъ, или же какъ рабы, тяготящіеся каждымъ своимъ усиліемъ. Судьба Дѣла имъ безразлична. Требованія Предмета, какъ бы онъ ни назывался — Церковь, Родина, Правосудіе, Армія, Наука, Искусство — только затрудняютъ ихъ и тяготятъ. Божьему Дѣлу на землѣ они не преданы. И отъ дѣятельности

этихъ безчувственныхъ машинъ, этихъ индифферентовъ и поденщиковъ — всё человѣческія организаци и учрежденія начинаютъ *внутренно пустеть и замирать*, разочаровывая и раздражая всѣхъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе, вызывая нареканія и накапливая атмосферу разрушительнаго протеста.

Нынѣ Россіи, какъ никогда, нужны люди, способные не къ прислуживанію и не къ службѣ, а къ *служенію*. Люди, не только видяшіе Дѣло и постигающіе требованія Предмета, но *преданные* Божьему Дѣлу на землѣ; люди, не только не безразличные и не безчувственные, но вдохновляющіеся и вдохновляющіе другихъ; люди, не уступающіе интересовъ Дѣла ни за деньги, ни за честь, ни за власть, ни по просьбамъ, ни за одолженія, — *неподкупные* въ полномъ и высшемъ смыслѣ этого слова.

Это люди, для которыхъ долгъ не каторга и обязанность не постыла; потому что въ ихъ душѣ обязанность покрыта личной преданностью и долгъ потонулъ въ страстной заинтересованности Дѣломъ. Это люди, которыхъ всякій личный успѣхъ, конечно, радуешь; но для которыхъ личный успѣхъ всегда остается лишь средствомъ, служащимъ побѣдѣ Божьяго Дѣла. Это люди, не боящіеся отвѣтственности именно потому, что они вкладываются въ Дѣло цѣликомъ и совсѣмъ не ищутъ во что бы то ни стало личной удачи и преуспѣянія. Это люди характера и гражданскаго мужества. Люди *волевой идеи*. *Добровольцы русскаго національнаго Дѣла*. Призванные организаторы Россіи.

Духъ рыцарственности и состоитъ прежде всего и больше всего въ *добровольномъ и волевымъ принятіи на себя бремени и опасностей во имя Божьяго Дѣла на землѣ*. И надо признать, что если жизнь сжидаетъ этого отъ насъ всегда, и даже въ самое благополучное время предлагаетъ намъ такія бремена и связанную съ ними отвѣтственность и опасность *на каждомъ шагѣ*, — то послѣ русскаго военнаго крушенія и революціоннаго разгрома все возрожденіе и возстановленіе Россіи будетъ цѣликомъ зависѣть отъ того, найдется ли въ нашей странѣ кадръ людей, выдержанный въ такомъ духѣ и способный къ такому служенію. Кадръ *неподкупный* — и потому ничего не продающій ни иностранцамъ, ни внутреннимъ врагамъ Россіи: *вѣрный любовью и совѣстью* — и потому способный со-

брать вокругъ себя довѣріе и преданность во всѣхъ сердцахъ, вѣрныхъ родинѣ; *рыцарственныи* — и потому призванныи къ *служенію* и къ организации публичнаго спасенія.

Сущность рыцарства, необходимаго Россіи, состоитъ прежде всего не въ *посягательствѣ*, а въ *самоотреченіи*. Ни одна изъ современныхъ политическихъ партій не рыцарственна, ибо всѣ онѣ посягаютъ на власть и на сопряженныя съ нею выгоды *) То, что нужно Россіи — это кадръ людей *съ обновленной и облагороженной политической мотивацией въ душѣ*. Новый режимъ смогутъ создать только новые люди, «новые» не въ смыслѣ возраста, или имени, или всераствѣвающаго «революціоннаго стажа», — но въ смыслѣ *направленія воли и силы воли: Предметнаго* направленія и *несломимой* силы. Тотъ, кто за эти годы крушеній, бѣдъ и утратъ не сумѣлъ найти въ своей душѣ *новыхъ* источниковъ для политическаго разумѣнія и для политической дѣятельности — религіозныхъ, патріотическихъ и рыцарственныхъ; кто попрежнему мыслить Россію (все равно, — справа или слѣва), какъ поле для своей карьеры и для своего частнаго преуспѣянія, — тотъ *врагъ Россіи*, несущій ей въ своемъ сердцѣ ядъ и гибель, какими бы программами и лозунгами онъ при этомъ ни прикрывался. Въ рыцарственнаго духа національнаго служенія — все безцѣльно, все тщетно, все вредно; внѣ его — никто ничего не освободить и не возродить, а создастъ только новый раздоръ, новую смуту и новую гражданскую войну на погибель Россіи и на радость ея исконнымъ и всемірнымъ врагамъ.

Вотъ почему *правы* всѣ тѣ, кто держится въ сторонѣ отъ всякой зарубежной и сорѣтской «политики», отъ всѣхъ этихъ беспочвенныхъ (въ зарубежьи) и предательскихъ (въ подъяремьи) «комбинацій» и «компромиссовъ», отъ всей партійной стряпни и грызни. Однако, это удаленіе отнюдь не должно означать отрицанія государственности; оно вовсе не совпадаетъ съ политическимъ безмысліемъ и безволіемъ. Напротивъ: все значеніе его состоитъ въ *накопленіи* политическаго смысла и политической воли, въ *Предметномъ очищеніи души*, въ *сосредоточеніи* ея разумѣнія и ея благороднѣйшихъ силъ. Это воздержаніе отъ легкомысленной и скороспѣлой.

---

*) Сравни превосходную и точную формулу Е. В. Спекторскаго: «современная политическая партия это не болѣе, какъ частное предпріятіе для захвата власти и всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ выгодъ». «Христіанство и Культура» стр. 256—257.

суебливой и интригующей партіиности необходимо именно для того, чтобы положить начало новому *идейному* и *волевому* подходу къ государственности вообще и къ русской государственности въ частности, — *рыцарственному* подходу.

Для этого надо начать съ установленія неоспоримой аксіомы, гласящей: *русское крушеніе было вызвано и обусловлено тѣмъ, что въ русскіхъ людяхъ было недостаточно рыцарственности*; а отсюда уже проистекли всѣ эти, погубившія Россію ошибки и преступленія, всѣ эти потоки безволія, малодушія, жадности, трусости, продажности, предательства и свирѣпости. И ошибки эти, и преступленія будутъ повторяться до тѣхъ поръ; и потоки этого криводушія и малодушія будутъ изливаться до тѣхъ поръ, — пока Россія не проложитъ себѣ путь къ духовному и религіозному обновленію; пока не встанутъ и не сомкнутъ свои ряды люди рыцарственнаго уклада и характера. И когда это совершится, тогда они создадутъ и укрѣпятъ новую государственную традицію, нынѣ развѣянную и утраченную, но зачатую много вѣковъ тому назадъ въ духѣ русскаго Православія и выношенную въ столѣтіяхъ борьбы за русское національное величіе. Это — традиція *религіозно укорененнаго государственнаго добровольчества*, вновь возродившагося на Руси десять лѣтъ тому назадъ.

Это основное. Это самое важное. Не будетъ этого — не будетъ и Россіи, а будетъ раздоръ и хаосъ, позоръ и разложеніе.

Вступить же на этотъ путь, начать это обновленіе мы можемъ и мы должны теперь же, сегодня же, не колеблясь и не откладывая.

Редакторъ.

КЪ РОДНОЙ МОЛОДЕЖИ.

I.

Славныя русскія дѣвушки!*)

Ваше обращеніе ко мнѣ за добрымъ словомъ напутствія и смутило, и обрадовало меня. Я не смѣю считать себя «духовнымъ вождемъ»: я только русскій писатель, и отвѣчу Вамъ, какъ отвѣтилъ бы друзьямъ-читателямъ, сердечно мнѣ близкимъ, — искренно отвѣчу. Обрадовало же потому, что почувствовалась мнѣ въ Вашемъ письмѣ душевная потребность — вдумчиво относиться къ жизни, какъ бы перекреститься, въ нее вступая. Эта серьезность на зарѣ жизни — слѣдствіе пережитаго, *нашего*, русскаго страданія. Страданіе углубляетъ, умудряетъ. И въ этомъ уже залогъ будущихъ нравственныхъ побѣдъ. Это уже и теперь — побѣда.

Были времена — и были у русской молодежи «мучительные» вопросы и запросы, идеалы, исканія. Русская душа — жаждающая душа, ищущая *дѣла*, подвига, душа стремительная и страстная. Русская молодежь всегда была неспокойна духомъ, пытлива, идеалистична, порывиста неудержимо въ исканіяхъ лучшаго — *для всѣхъ*. Выбирала себѣ «вождей» и, увлеченная, шла за ними, порой безоглядно. Это было тогда, когда была сильная Россія, богатѣвшая и матеріально, и духовно, счастливая, что бы тамъ иные ни говорили, *вся* счастливая, имѣвшая налицо всѣ данныя для блага *всего* народа, имѣвшая всѣ возможности, въ путяхъ духовнаго и матеріально-культурнаго роста своего, явиться примѣромъ для всѣхъ народовъ. И она осуществляла эти возможности. Это предрекали ей великіе наши духовидцы. Теперь это прошлое — становится уже очевиднымъ. Но наряду съ *вѣрными* водителями вліяли и водители ложные, смотрѣвшіе куда-то *за*

*) Отвѣтъ на письмо воспитанницъ выпускнаго класса Маринскаго Донскаго Института (въ Бѣлой Церкви, Югославія).

Россію, поверхъ Россіи, задававшіеся цѣлями надъ-національ-ными, увлекавшіе «великими» горизонтами и прельстившіе мно-гихъ, проглядѣвшихъ негромкое, по великое дѣло «дня сего», не манившее блескомъ молній далекихъ горизонтовъ, — дѣло укрѣпленія и созданія *націи*, своей націи, себя еще не созна-вшей и потому совершенно неготовой на «міровое дѣло». И вотъ, чудеснѣйшія, идеальнѣйшія свойства парящей русской души, килѣвшія въ русской даже мало-мальски культурной молодежи, совершенно не постигавшей огромнаго цѣлаго — на-рода, великаго неокультуреннаго ядра, — способствовали не-вольно великому разгрому, разоренью, разложенію, растлѣнію Россіи. временному омертвѣнію ея, утратѣ ея для многихъ, ея даже и не узнавшихъ.

И вотъ, *новая* русская молодежь... и снова *ищете!* Какъ же не радоваться, что Вы, юныя, новая поросль русская, послѣ такихъ испытаній, такихъ блужданій по чужимъ міровымъ дорогамъ, послѣ столькихъ утратъ, послѣ *такихъ* ударовъ по Вашимъ юнымъ, по Вашимъ иѣжнымъ и неокрѣпшимъ ду-шамъ, какіе не выпадали на долю никакого изъ другихъ наро-довъ нашей исторіи, — Вы живы духомъ, Вы всматриваетесь пытливо въ жизнь, не отвергаете ее, такъ незаслуженно - не-повинно Васъ любивавшую; что хотите вступить въ нее такъ благоговѣйно, хотите понять отвѣтственность и назначеніе свое въ ней, *вприте* въ нее, уповааете, что она приметъ Васъ и на-значитъ *дѣло*, которое Вы выполните свято. Это скрыто въ Вашемъ письмѣ ко мнѣ, но выговорено это въ одномъ Вашемъ простомъ, по чудесномъ словѣ — *напутствіе!*

Въ добрый путь, милыя русскія дѣвушки... въ добрый и свѣтлый путь! Я знаю, знаю, что копите Вы въ себѣ смѣлую волю къ жизни. Я вѣрю, что первою Вашей думой о жизни, Вамъ открывающейся, самой глубокой и затаенной думой, думою-пѣлюю, — является Вамъ *родное*, русское, мысль о не-знаемой родинѣ, — о незнаемой чувствами виѣнными, по чудесной - знаемой душою, — о возвратимой Россіи, *нашей*, истинной, заложеной въ насъ отъ предковъ. святой и чистой, омывшейся отъ грѣховъ Россіи! И потому-то Вы, на порогѣ ли высшей школы или жизни самостоятельной, трудной отъ без-пріютія, наученныя страданьями, ищете добраго напутствія и совѣта. Идите, благословясь. Я слышу въ Вашихъ простыхъ словахъ — голось исканій. Не угасъ русскій святой огонь,

русскій духовный пылъ, стремленіе къ истинному и доброму. Перусскія дѣвушки не спрашиваютъ объ *этомъ*. Имъ не нужно «благословенія» и «слова»: накатанныя у нихъ дорожки, привычныя. А Вы... Вы, русскія бездорожкицы, выпли искать Россію, Градъ-Китежь, потонувшіи! Идите смѣло — и найдете. Я тоже ищу ее, и вѣрю въ нее, и вѣрю, что найду ее. Я ищу ее въ образахъ и думахъ. Быть можетъ, *такой* и найду ее, безплотной..., но Вы найдете и осязаемую! Вы, юныя, найдете. Вы только пустились въ путь. Я чувствую Ваши *живыя* души. Въ Вашихъ глазахъ надежда: Россія *будетъ*, мы жить будемъ, по-нашему жить будемъ, у *себя* жить будемъ, въ Россіи жить и творить будемъ! Въ Васъ силы молодя, пытливыя, но кругомъ — столько путей неясныхъ, предразсвѣтныхъ! И Вы правы, Вы чутко-правы, прося напутствія. Вы — религіозны, Вы — кровь отцовъ: *молились* они *передъ походомъ*. И Вы — въ походѣ. И я хочу Вамъ сказать: идите и помните, что *мы сильны!* Помните непрестанно, что мы велики, что *мы отъ великаго народа*, что мы чудесны и нашей исторіей, удѣлившей намъ миссію охранять культуру, что мы велики *великимъ страданіемъ нашимъ* и великой *побѣдой нашей* — всѣмъ тѣмъ чудеснымъ, что *русскій гени* давалъ, дасть и будетъ давать міру! Только теперь начинаемъ мы познавать себя. Только теперь начинаетъ чувствовать это міръ, начинаетъ пріоткрывать чудеснѣйшій Ликъ Россіи. Лишенные родины, мы всюду несемъ *ее*. Бога — во имя *ея* несемъ. Наше искусство, проявленіе божескаго въ человѣкѣ, въ славѣ идетъ по свѣту. Наши идеи, наше богопознаніе и богоисканіе, наше «святое безпокойство» за міръ и человѣка — волнуютъ чуткихъ во всѣхъ народахъ. Мы же — философы мировые, мы — бродило. Наша наука, лишенная даже почвы родины, можетъ гордиться родными именами. Наши муки служатъ *великой сдержкой человѣческому безумію*, примѣромъ небывалымъ. Мы пали, но мы возстанемъ! Мы мучаемся, но мы — творимъ. Мы, невольные постояльцы міра, — учимъ! Въ разсвѣтніи, мы готовимъ смѣну — Васъ, чудесная папа молодежь, сильныхъ въ лишенияхъ, знающихъ всѣ дороги-бездорожья, но чувствующихъ *единое*, національно чувствующихъ, жаждущихъ создавать новую Россію, — мы уже видимъ ее въ мечтахъ.

Эти мечты и воля претворить ихъ въ *живое* — въ Васъ есть. Ждете напутствія? Все, что могу Вамъ сказать, — въ Васъ

есть! *Вы любите Россію*, русскія дѣвушки, Вы ее носите въ себѣ. Вы, столько перетерпѣвшія, муками освященныя, Вы — чистыя, Вы — святыя! И святое несете въ сердцѣ. Многія изъ Васъ потеряли и растеряли отцовъ, матерей, братьевъ... мученицы изъ Васъ многія-многія, и всѣ — сироты, безъ Родины. Но Вы вѣрите, что Россія *есть*, что она будетъ *Ваша*. Вамъ сиротство кончится. *Такое*, что вышло намъ на долю, не можетъ пройти безслѣдно. *Такое* будетъ возмѣрено *такой* же безмѣрной мѣрой. — таинственный законъ жизни, — *грядущей радостью*. И это будетъ. И Вы это увидите. Пусть эта вѣра напутствуетъ Васъ всегда. Готовьте себя — Россіи. Какъ готовить? Вы это знаете, должны знать.

Великое выпадаетъ на долю Вамъ. Россія осквернена до сердца. Вы, русскія дѣвушки, станете русскими женщинами. Вамъ предстоитъ великое: создавать новую, *чистую*, русскую семью, обновлять, очищать отъ скверны родной народъ. Вы понесете народу Бога, понесете въ жизнь *правду*, — все то цѣннѣйшее, чѣмъ возвеличена русская женщина: выполненіе долга, самоотверженность, милосердіе, чистоту, духовность, кротость, готовность къ подвигу, вѣрность и глубину любви... *Теперь*, когда Россія осквернена до сердца, когда все обезчещено, растлѣно, Ваша великая миссія — *нести чистоту, утверждать нравственность, дать здоровое поколѣніе, воспитать его, научить жизни въ Богѣ*. Отъ Васъ, чистыхъ, охраненныхъ отъ скверны, чѣмъ тамъ заражены миллионы подобныхъ Вамъ русскихъ дѣвушекъ, плѣненныхъ, духовно ослѣпленныхъ. — *отъ Васъ зависитъ величайшее дѣло духовнаго возрожденія новаго поколѣнія Россіи*. Съ Богомъ въ душѣ, съ Церковью, съ вѣрой, съ памятью о загубленномъ, чудесномъ чистомъ, Вы будете стойки, Вы будете свято-горды: Вамъ, русскія зарубежныя дѣвушки, а съ Вами вмѣстѣ и тѣмъ, кто сохранилъ себя тамъ, — великое Вамъ назначено. Какъ и что дѣлать — подскажетъ Вамъ умъ и сердце. Чтобы лѣчить — надо знать. Думайте о Россіи. знайте о ней. Познавайте ее, бывшую, незапятнанную. Познавайте и смрадную, на гноищѣ ея. Набирайтесь знаній, готовьте себя здѣсь къ работѣ тамъ: школьной, ученой, воспитательной, духовной, просвѣтительской, проповѣднической, лѣчебной, всякой, какаю кому по склонностямъ, по силамъ. Но прежде всего: живую, человѣческую душу въ себѣ храните. чтобы творить съ любовью. Вашему

поколѣнію выпадаетъ великая работа — освящать, очищать Россію. Мужчинѣ — *строить*; Вамъ — *освящать*. Не отдыхъ, а непрестанный трудъ. Испушеніе будетъ продолжаться: слишкомъ грѣхи велики. Слишкомъ много утрачено цѣннѣйшаго, слишкомъ много осквернено. И вѣрьте: Ваши усилія, — если хотимъ Россіи, — могутъ произвести величайшій духовный взрывъ — творящей энергіи народа. И Россія, показавшая міру великую бездну паденія, покажетъ чудо великаго возрожденія, величайшихъ высотъ духовныхъ. Россія это можетъ! Это чудо будетъ наградой Вамъ. Вѣрьте — и это будетъ. Вѣрьте и дѣлайте. И Вы увидите это чудо. Это будетъ, это можетъ быть счастьемъ и цѣлью Вашего поколѣнія. Это чудо будетъ и оправданіемъ Россіи. И да благословитъ Васъ Богъ!

Ив. Шмелевъ.

Севръ, 20 мая - 1928 г.
2 іюня

О ПРЯТИИ МІРА.

Его Высокопреосвященству
Архієпископу Анастасію Іерусалимскому.

Міромъ хотять завладѣть безбожные и свирѣпыя люди. Движимые завистью и жадностью, попирая всѣ божескіе и человѣческіе законы, они пытаются *переродить человѣческій родъ соблазномъ и страхомъ*, погасить его духовность, растлить его душу, ослѣпить его сердце, извратить его природный инстинктъ и создать невиданную еще міровую организацію пошлости — царство концунственно наслаждающихся злодѣевъ и трутней.

И вотъ, пришелъ часъ, когда каждый христіанинъ долженъ поставить передъ собою основной вопросъ: борется онъ съ этими людьми или *отдаетъ имъ міръ* на потокъ и разграбленіе, на растлѣніе и позоръ? И если борется, то за что именно и во имя чего? А если *не* борется, то чѣмъ онъ оправдываетъ это непротивленіе передъ Богомъ и передъ своею совѣстью?

Съ самаго начала отведемъ всѣ попытки уклониться отъ этого вопроса, всѣ двоедушныя и лукавыя (а въ сущности трусливыя и лживыя) старанія избѣжать отвѣта и потомъ все-таки сдѣлать видъ, будто отвѣтъ данъ. Въ дѣйствительности всѣ, кто двойтсѧ и лицемѣритъ, всѣ фактически *даютъ* отвѣтъ; но не тотъ, который они произносятъ, а тотъ, который заключенъ въ ихъ криводушіи и лицемѣріи: они *уже сломлены и поработены*, какъ бы они сами ни называли свою поработенность — «аполитичностью», «лояльностью», «нейтралитетомъ» или «непротивленіемъ» . . .

Послѣганіе коммунистовъ заставляетъ каждаго христіанина рѣшить, уступаетъ онъ имъ власть надъ міромъ, или отстаиваетъ міръ и обороняетъ? И понятно, что это выдвигаетъ въ его сознаніи болѣе глубокой и коренной вопросъ: *пріемлетъ онъ міръ* или *отвергаетъ* его? Имѣетъ ли христіанство миссію въ «этомъ», земномъ мірѣ, или оно не *отъ* міра сего и не *для* міра сего, и судьбы *человѣческой земли и земного человѣчества* ему

безразличны? Ибо христіанину, отвергающему міръ, дѣйствительно не за что бороться и нечего отстаивать; а христіанинъ, пріемлющій міръ, долженъ признать, что нынѣ для него пришла часть величайшей и отвѣтственнойѣйшей борьбы.

Мы знаемъ, что въ христіанствѣ имѣется древняя «міроотречная» традиція; и признаемъ, что тотъ, кто слѣдуетъ этой традиціи, имѣетъ основаніе не вмѣшиваться въ судьбы земли и земного человѣчества. Онъ имѣетъ «право» предоставить историческому процессу идти своимъ ходомъ и вести людей къ гибели, къ разрушенію и растлѣнію, во власть «змія», «обольщающаго народы» (Апок. 20); но это «право» онъ имѣетъ только тогда, если онъ принимаетъ и «обязанности», вытекающія изъ міроотреченія, т. е. если онъ дѣйствительно *угашаетъ* въ себѣ самомъ земной человѣческой составъ и доживаетъ свой удѣлъ, какъ бы *не присутствуя* на землѣ и томясь о скорой смерти, какъ почти безтѣлесный духъ...

Да, въ христіанствѣ имѣлась древняя традиція, отвергающая *весь этотъ міръ*, какимъ онъ созданъ и живетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самый способъ земного человѣческаго существованія. Традиція эта, порожденная *эсхатологическими* мѣстами Евангелія и Апокалипсиса (не указывающими, впрочемъ, никакихъ опредѣленныхъ сроковъ грядущаго конца); окрѣпшая подъ вліяніемъ *греческой* философіи (стойки и неоплатоники); и дошедшая до крайнихъ выводовъ подъ вліяніемъ формального, внѣшняго законничества, присущаго *іудаизму* — *никогда не выражала послѣдняго и глубочайшаго отношенія христіанства къ Божьему* (именно къ Божьему) *міру*. Было бы чрезвычайно поучительно прослѣдить черезъ всю литературу христіанской аскетики, какъ платонически-стоическое (и чуть ли не буддійское) отвращеніе отъ міра и осужденіе его — уживается въ ней, (не примиряясь), съ христіанскимъ (иногда почти пантеистическимъ) ученіемъ о благодатной устроенности міра, о его божественной ведомости и о вседѣйствующемъ Божіемъ. Два совершенно различныхъ міросозерцанія какъ бы стоятъ рядомъ, не вытѣсняя другъ друга, а подсказывая человѣку два совершенно различные жизненные пути: *міроотверженіе* и *міропріятіе*.

Первый путь былъ послѣдовательно продуманъ и прочувствованъ до конца. Царствіе Божіе не только не *отъ* міра сего,

но и не для міра сего. Міръ внѣшній и вещественный есть лишь временный и томительный плѣнь для христіанской души. Міръ и Богъ противоположны. Законы міра и законы духа непримиримы. Двумъ господамъ служить нельзя, а господинъ міра есть діаволь. «Этотъ» вѣкъ и «будущій» — два врага. И смыслъ христіанства состоитъ въ бѣгствѣ *отъ* міра и *изъ* міра, т. е. въ мучительномъ угашеніи своего земного чловѣческаго естества. Надо возненавидѣть все мірское и отдалить его отъ себя, иначе оно само отдалитъ насъ отъ Бога. Всѣ мірскія блага, «все сотворенное» надо почитать чужимъ и не желать ихъ. Христіанинъ не долженъ вступать въ бракъ, не смѣетъ приобрѣтать собственность, не долженъ служить. Мало того: ему подобаешь молиться «да преидеть міръ сей» и да сократятся его дни. Самъ же онъ долженъ обречь свою плоть увяданію или «умерщвленію» — подь страхомъ «липитися послѣдняго благословенія». Ему подобаешь стыдиться того, что у него есть тѣло и тѣлесныя потребности. Онъ долженъ приучиться видѣть врага въ своей плоти и гнущаться ею: здоровое тѣло должно быть ему нежелательно; оно должно стать на землѣ, какъ изваяніе или «истуканъ», и самъ онъ долженъ жить такъ, какъ если бы его совсѣмъ «не было въ мірѣ семъ».

Таковы послѣдовательные выводы изъ міроотречности.

Что остается дѣлать въ мірѣ такому христіанину? За что ему бороться? Что отстаивать? И развѣ напладающіе злодѣи не являются его прямыми благодѣтелями, напоминающими ему о его забытомъ призваніи и о его неисполненныхъ обязанностяхъ? И если Христось пришелъ въ міръ, и училъ, и страдалъ для того, чтобы *увести своихъ учениковъ изъ міра* и научить ихъ презрѣнію и ненависти ко всякому мірскому естеству, то какъ же можетъ христіанинъ бороться съ тѣми, кто отнимаетъ у него все это запретное и зловредное? Родину ли будетъ онъ отстаивать? Но родина у христіанина одна — *въ небесахъ*. Собственность и правопорядокъ? Но христіанинъ отрекается отъ собственности — и внѣшне, и, главное, внутренно. Какая можетъ быть у отшельника забота о правопорядкѣ? Какая печаль столпнику отъ того, что гибнетъ хозяйство, что исчезаетъ наука, что горятъ или распродаютъ музеи? И можетъ ли христіанинъ отвергать или ниспровергать коммунизмъ, если вѣрно, что «общее владѣніе вещами есть дѣло сладчайшее? . . . ».

Если это есть христіанство; если *таковы* завѣты Сына Божія и заповѣди Евангелія, — то мы, христіане, должны отдать коммунистамъ все земное на потокъ и разграбленіе, и вмѣстѣ съ Лейнагоромъ и Тертулліаномъ «презирать міръ и помышлять о смерти...» Но не будемъ тогда лицемерить и кривить душою: отвергнемъ міръ не на словахъ, а *въ реальной жизни*; отвергнемъ не только *борьбу* изъ за мірскихъ благъ, но и *самыя эти мірскія блага*; не будемъ, какъ трусливые шакалы, наслаждаться земною падалью. пока не придетъ сильнѣйшій звѣрь, и отбѣгать отъ нея при его приближеніи, поджавъ хвостъ и взывая къ «принципіальной міроотречности...» Отвергающій что нибудь изъ религіозныхъ побужденій, отвергаетъ не тогда, когда у него отнимаютъ, и не потому, что у него уже отняли, — по отказывается самъ, по собственному почину, заранѣе и навсегда... Какъ жалки, какъ лживы эти «христіане», вспоминающіе о «христіанской міроотречности» только тогда, когда приходитъ часъ бороться за родину и духовную культуру...

Но для насъ дѣло совсѣмъ не сводится къ обличенію этой сентиментальной фальши. Мы должны признать и установить, что міроотречное христіанство не имѣетъ другого исхода, какъ идейно и религіозно *сложить свое оружіе* передъ насѣдающей ратью коммунистовъ и предоставить діаволу свободно распорядиться «дѣвольскимъ достояніемъ». Исходя изъ идеи міроотреченія, съ коммунистами бороться нельзя и побѣдить ихъ невозможно. Но и этого мало. Если христіанство отвергаетъ «міръ» — матерію, природу, тѣло, хозяйство, собственность, государство, науку, искусство и всю земную человѣческую культуру — то оно не можетъ ни вести человѣка въ этотъ міръ, ни учить и вдохновлять человѣка *въ этомъ мірѣ*: оно можетъ только *уводить* его изъ этого міра; *благословить его на земную жизнь* и *вдохновить его къ этой жизни* оно не въ состояніи. Это значило бы, что земная жизнь дана человѣку не для того, чтобы онъ въ ней *жилъ* и *творилъ*, *славя Бога своею жизнью и своимъ творчествомъ*, а для того, чтобы онъ не принималъ ея и учился *медленному самоумерщвлению*. Это значило бы также, что идея «христіанской культуры» содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. и что истинный христіанинъ не имѣетъ на землѣ ни призванія, ни цѣли.

И когда окидываешь взглядомъ исторію культурнаго чело-вѣчества за послѣдніе вѣка и видишь этотъ огромный, роковой процессъ отхода массъ отъ церкви и христіанства, то иногда невольно спрашиваешь себя, не объясняется ли этотъ процессъ между прочимъ и тѣмъ, что христіанство доселѣ не побороло въ себѣ этого міроотречнаго уклона, который учить радостно уходитъ отъ міра и изъ міра, но не учить радостно входить въ міръ и радостно творить въ немъ? . . .

Однако надо признать, что вся живая и глубокая традиція христіанства не остановилась на этомъ уклонѣ и не прищипала его, какъ основной и опредѣляющей. Она отвела аскезу значеніе *драгоценнаго средства*, но лишила его значенія *единственнаго и послѣдняго пути*. Она приняла міръ, благословила чело-вѣка въ мірѣ и стала учить его не только умранію, но и жизни, и творческому труду.

Какъ же не принять міра, когда «Богомъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое» (Колос. I. 16)? когда «не нуждающійся ни въ какихъ благахъ Богъ для чело-вѣка устроилъ небо, землю и стихіи, доставляя ему черезъ нихъ всякое наслажденіе благами» (Антоній Великій); когда въ мірѣ «нѣтъ ни одного мѣста, котораго не касалось бы Промышленіе» Божіе, «гдѣ бы не было Бога». и желающей «зрѣть Его» долженъ только смотрѣть «на благоустройство всего и Промышленіе о всемъ» (онъ же); когда міръ и созданъ то для того. «дабы все небесное и земное соединить подъ главою Христомъ» (Ефес. I. 10). а нынѣ «Богъ во Христѣ примирилъ съ собою міръ, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ и далъ намъ слово примиренія» (Второе Коринѳ. V. 19)? . . . Вся «эта сотворенная природа» есть не что иное, какъ великая «книга», въ которой чело-вѣкъ «когда хочетъ», можетъ читать «слова Божіи» (Евагрій), постигая и убѣждаясь, что и твари предстоить однажды освободиться «отъ рабства тлѣнію» (Римл. VIII. 21) . . .

Христось принялъ міръ и воплотился не для того, чтобы научить насъ отвергать міръ, конушественно понося и презирая созданіе Божіе; но для того, чтобы дать намъ *возможность* и указать намъ *путь* вѣрнаго, *христіанскаго міропріятія*; чтобы научить насъ вѣрно принимать и творчески нести бремя вещественности (плоти) и бремя душевнаго разъединенія (индивидуальности); чтобы научить насъ *жить на землѣ въ му-*

часть Царствія Божія. Мы не выше Христа, а Христось принялъ земную жизнь и вернулъ ее въ благодатномъ сіяніи. И тотъ, кто принимаетъ міръ, тотъ включаетъ въ свой жизненный путь *творческое дѣланіе* въ этомъ мірѣ, т. е. совершенствованіе въ духѣ — *и себя самого, и ближнихъ, и вещей.*

Человѣку «отъ природы», слѣдовательно отъ Бога, данъ нѣкій способъ земного бытія: трехмѣрная тѣлесность; душа съ ея различными функціями и силами; индивидуальная форма жизни и инстинкта; сила любви и размноженія; голодь и болѣзни; сопричисленность къ вещамъ и животнымъ, на положеніи ихъ разумнаго и благого господина; раздѣльность и множественность людей; климать, раса и языкъ и т. д. Изъ этого, даннаго намъ способа земной жизни вытекаетъ множество неизбѣжныхъ для насъ жизненныхъ положеній, заданій и обязанностей, которыя мы и должны принять, освѣтить и освятить Божиимъ лучомъ и изжить практически, въ трудахъ, опасностяхъ и страданіяхъ, приближаясь къ Божественному и одолевая противобожественное. Своимъ воплощеніемъ и воскресеніемъ Христось не отвергъ этотъ способъ бытія, а *принялъ его и побѣдилъ его.* И намъ надлежитъ идти Его путемъ и творить Его дѣло, какъ волю Отца, — но не по «буквѣ», а «отъ сердца», и не «по закону», а въ «свободѣ» и въ «обновленіи духа» (Римл. VI—VII).

Это значитъ, что намъ надлежитъ пріять — и полевья лиліи, и птицъ небесныхъ; и плотничество, и осла; и золото, съ ладаномъ и смиренію; и хлѣбъ, и рыбу, и вино, и радость брака; и подать — церковную и государственную; и власть Пилата, данную ему свыше; и вервіе для торгующихъ въ храмѣ; и трепеть вѣщаго и грознаго слова; и нѣгіе ангельское, несущее смертнымъ вѣсть о Богѣ. Намъ надлежитъ принять все это, какъ даръ и урокъ; какъ христіанское средство ведущее къ христіанской цѣли; какъ жизненное творчество. И принять все это мы должны «какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи» (Первое Петра II. 16).

Въ первые вѣка нерѣдко думали, что надо *принять Христа и отвергнуть міръ.* «Цивилизованное» человѣчество въ наши дни — *принимаетъ міръ и отвергаетъ Христа.* А въ средніе вѣка западъ выдвинулъ еще иной соблазнъ: сохранить имя Христа и приспособить искаженный іудаизмомъ духъ Его уче-

нія къ лукаво-изворотливому и властолюбивому пріятію не преображаемаго міра.

Вѣрный же исходъ въ томъ, чтобы *пріять міръ вслѣдствіе пріятія Христа*; чтобы исходя изъ духа Христова — благословить, осмыслить и творчески подчинить міръ; *не осудить его внѣшній* строй и не обезсилить его *душевиую* мощь, но одолѣть и тотъ и другой любовью, волею и мыслью, трудомъ, творчествомъ и вдохновеніемъ.

Это и есть идея *православнаго христіанства*.

Основное исканіе Православія—освятить каждый мигъ земного труда и страданія — отъ крещенія и молитвы роженіцъ, до отходной молитвы, отпѣванія и сорокоуста; и въ молитвѣхъ передъ началомъ ученія; и въ «даждь дождь землѣ алчущей, Спасе»; и въ освященіи пшеницы, вина и елея; и во всѣхъ таинствахъ; и въ чинѣ священнаго коронованія, и въ присягѣ государю; и въ чинѣ освященія знаменъ и благословенія воинскихъ оружій... Православіе было искони міропріемлюще: и въ отпелникѣхъ, примиряющемъ князей, и въ епископѣхъ, наставляющемъ своего государя; и въ хозяйствующемъ монастырѣ, и въ монастырскомъ осадномъ сидѣніи; и въ православныхъ Патріархахъ, и въ православныхъ старцахъ, и въ православныхъ юродивыхъ, и въ исповѣдничествѣ православнаго духовенства, замучиваемаго въ Россіи въ наши дни; и въ этой дивной молитвѣ сѣятеля: «Боже, устрой, и умножь, и возрасти на долю всякаго человѣка трудящагося и гладнаго, мимоидущаго и посягающаго...»; и въ палемъ искусствѣ — отъ Діонисія до Нестерова, и отъ сладкогласія кіевскихъ распѣвовъ до Жизни за Царя Глинки, и до благоуханнѣйшей всенощной Рахманинова. И когда митрополитъ Филаретъ вступаетъ въ поэтическую переписку съ Пушкинымъ; и когда поколѣніе за поколѣніемъ читаетъ на старѣйшемъ русскомъ университетѣ, какъ призывъ и обѣтованіе: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»; и когда православный старецъ посылаетъ своего послушника Борисова на Новую Землю писать «чудеса природы Божіей» и его «свѣтскіе» полярные ландшафты потрясаютъ сердца европейцевъ своею значительностью и величіемъ; и когда мы отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что дали русскому просвѣщенію и русской интеллигенціи Троицкая Лавра и Олтина Пустынь, — то православное міропріятіе предстаетъ передъ нами во всей своей вѣрности и глубинѣ.

Русское Православіе не мыслить міра виѣхристіанскимъ или «свѣтскимъ»; напротивъ — христіанское просвѣщеніе и просвѣтленіе міра является его прямымъ заданіемъ. Ему «есть дѣло до всего, чѣмъ живутъ или не живутъ люди на землѣ»^{*)}, и притомъ потому, что оно имѣетъ въ этомъ мірѣ великую и священную миссію.

Царствіе Божіе не отъ міра сего. Но о немъ возвѣщено міру и человѣчеству; и поэтому его идея высказана для міра сего, какъ призваніе и обѣтованіе. Невѣрно думать, что Царствіе Божіе существуетъ для міра сего; но «міръ сей» существуетъ, какъ величайшее поле для посѣва и возвращенія Царствія Божія. Евангеліе Христово (т. е. благая вѣсть) состоитъ не въ томъ, что земля и небо противоположны и несоединимы, ибо земля обречена грѣху и люди суть дѣти грѣха; но въ томъ, что Небо уже сошло на землю въ лицѣ Богочеловѣка, что «приблизилось Царство Небесное» (Матѣ. IV. 17), что возможность и реальность негрѣховнаго міропріятія и міропросвѣщенія даны и удостовѣрены. Евангеліе несетъ міру не проклятіе, а обѣтованіе; и человѣку не умираніе, а спасеніе и радость. Оно учитъ не бѣгству изъ міра, а христіанизации его. Поэтому міроотверженіе есть или условно-временная, очистительная установка монаха, который ищетъ религіознаго уединенія и сосредоточенія: и тогда онъ отвергаетъ не Божій міръ, а свои страсти и истранныя содержанія своего опыта; или же міроотверженіе есть слѣпота и гордыня, посяганіе на хулу и ересь, непріяніе Евангелія и путь отъ духовнаго скончества къ тѣлесному.

И вотъ, хозяйство, государство, наука и искусство суть какъ бы тѣ духовныя руки, которыми человѣчество беретъ міръ; и задача христіанства не въ томъ, чтобы слѣпо и грубо отсѣчь эти руки, а въ томъ, чтобы пронизать ихъ трудъ изнутри живымъ духомъ, явленнымъ во Христѣ. Христіанство имѣетъ въ мірѣ свое великое волевое заданіе, котораго не постигаютъ люди безвольные и сентиментальные; не достигая его, они сѣютъ соблазнъ, и идутъ, и ведутъ по ложнымъ, то трусливымъ, то лукавымъ путямъ. Пыль же, когда вредный фантомъ безбожной науки^{**)}; когда страшная сила религіозно-безсмыс-

^{*)} См. статью Православнаго: «Православіе и Государственность» въ № 2 «Русскаго Колокола».

^{**)} См. статью «Идея обновленнаго разума» въ № 5 «Русскаго Колокола».

леннаго государства; когда внутренняя обреченность безъидейнаго хозяйничанья; когда растлѣвающая поплоть бездуховнаго искусства — наполняютъ Божію землю расплывшимися харями; — христіанство не можетъ ни отвернуться отъ этого сатанинскаго дѣйства, провозглашая «нейтралитетъ», ни укрыться за словесное «міроотверженіе» и «непротивленіе».

Оно должно найти въ себѣ *вѣру* и *волю* для христіанскаго міропріятія и для борьбы за свое поле и за свой посѣвъ. Должно найти; и найдеть. И тогда начнется исцѣленіе.

И. А. Ильинъ.

ПРИЧИНА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Революция есть болѣзнь, которая поражаетъ только нездоровые, разслабленные организмы и не прививается къ здоровымъ и сильнымъ.

Была ли Россія здоровымъ организмомъ? Да, была — двѣсти лѣтъ тому назадъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на ея ростъ въ теченіе восемнадцатаго вѣка и на главные составные элементы ея того времени.

Во главѣ страны стоялъ самодержавный Царь и назначаемое имъ правительство. Правящимъ сословіемъ, изъ котораго пополнялась вся высшая и средняя администрація, а также вся военная іерархія, и которое составляло (совмѣстно съ духовенствомъ) весь культурный слой страны — было помѣстное дворянство; это было сословіе, хозяйственно обеспеченное землей и рабочими руками (крѣпостные крестьяне), сильное своею службою и своими традиціями, и находившееся само въ крѣпостномъ подчиненіи государству (обязательная служба). Третью основу, на которой покоилось государство, составляли крестьяне, изъ коихъ около 54% принадлежало помѣщикамъ, работая на нихъ и тѣмъ обеспечивая имъ возможность службы.

Эти три элемента были связаны въ одно цѣлое крѣпкимъ цементомъ — православной вѣрой, въ то время живой и непоколебимой во всѣхъ слояхъ русскаго народа.

Мы и не думаемъ идеализировать сословно-крѣпостной укладъ восемнадцатаго вѣка. История справедливо указываетъ и на фаворитизмъ двора, и на взяточничество приказныхъ, на произволъ администраціи, на несправедливый судъ, на темноту народныхъ массъ, на тягости и отрицательныя стороны крѣпостного уклада. И тѣмъ не менѣе государство росло; земля его благодаря подушной подати Петра Великаго расширялась, какъ никогда прежде; Россія крѣпла, вела успешныя войны и закрѣплялась въ своихъ естественныхъ рубежахъ.

Первый удар по русскому духовному организму былъ нанесенъ еще въ началѣ XVIII вѣка — подчиненіемъ православной церкви государству. При Екатеринѣ II были изъяты церковныя имущества (1764 г.), а при Павлѣ I духовнымъ лицамъ стали давать ордена, какъ чиновникамъ. Постепенно духовенство обратилось въ чиповниковъ духовнаго вѣдомства; а церковь утратила свою самостоятельную, духовно-учительную и обличающую власть; но печальные плоды этого обнаружились не сразу, а много лѣтъ спустя.

Отъ Петра III (1762 г., Манифестъ о вольности дворянской) и Екатерины II (1785 г., Жалованная грамота дворянству) началось и разложеніе дворянскаго сословія: оно было освобождено отъ обязательной службы и всякихъ податей, тогда какъ помѣщичьи крестьяне остались въ прежнемъ безправномъ положеніи съ однѣми обязанностями.

Отъ бездѣятельной и сытой жизни дворянство начало разлагаться духовно и морально, но это обнаружилось также не сразу. Если мы прослѣдимъ по русской литературѣ процессъ упадка, то онъ становится яснымъ. Наши прадеды, люди начала XIX вѣка — еще почти всѣ крѣпкіе и сильные; но наши дѣды тридцатыхъ годовъ уже люди со страпностями, хотя между ними и встрѣчаются еще сильные характеры. Возьмите Опѣгина. Печорина. Собакевича, Манилова. Поздрева, Чацкого и т. д. Наши отцы Обломовъ, Райскій, Кирсановы, Рудинъ, Верховенскій отецъ и др. уже безусловно проявляютъ признаки вырожденія. Про это поколѣніе поэтъ Некрасовъ сказалъ: «Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано». Что же касается до нашихъ предреволюціонныхъ современниковъ, героевъ Чехова и Арцыбашева, то это уже сплошь неврастенія и безволіе.

Въ прежнее время вся русская интеллигенція выходила изъ дворянства, но и до нашихъ дней дворянство давало тонъ и вождей русской интеллигенціи.

Наконецъ, манифестъ 19 февраля освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но не превратилъ ихъ въ гражданъ, такъ какъ не сдѣлалъ ихъ полноправными собственниками, а прикрѣпилъ ихъ къ общинѣ.

Послѣ освобожденія крестьянъ малоземельное дворянство захирѣло экономически и ушло въ города, постепенно выдѣляя изъ себя *интеллигентный пролетаріатъ*; а крестьянство,

ведя по старинѣ экстенсивное хозяйство и страдая вслѣдствіе этого отъ аграрнаго перенаселенія, медленно скупало помѣщичьи земли и, не удовлетворяясь ими, разслаивалось и выдѣляло изъ себя численно возрастающій *рабочій пролетаріатъ*.

Въ то же время Царь и правительство постепенно *обособлялись отъ народа*. Прежде дворянство, тѣсно связанное съ крестьянами, служило посредникомъ между правительствомъ и народомъ: теперь же централизованная бюрократія стѣной отдѣлила низы отъ верховъ. Еще Императоръ Николай I съ грустью констатировалъ, что Россіей правятъ столоначальники. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ три основы, державшія Россію, и самый связывавшій ихъ цементъ, подверглись разложенію, а *новыя формы не создавались*. А между тѣмъ, жизнь шла впередъ и отжившія формы должны были бы безболѣзненно переходить въ новыя, согласно требованіямъ времени.

Изъ крѣпостныхъ крестьянъ должны были выкристаллизоваться *консервативные земельные собственники хлѣборобы*. Изъ помѣстныхъ дворянъ въ соединеніи съ купечествомъ должна была сорганизоваться крѣпкая, *національная и патріотическая буржуазія*, которая стала бы культурнымъ и почвеннымъ элементомъ въ странѣ. Дворянство, какъ сословное органическое цѣлое, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ значительной степени утратило прежній смыслъ своего государственнаго существованія, хотя оно, конечно, сохраняло свое значеніе, какъ культурный слой съ традиціями чести и государственнаго служенія. Однако, крупные землевладѣльцы, независимо отъ сословія, сохраняли свое хозяйственное и государственное значеніе и притомъ именно постольку, поскольку они вели столь необходимое во всякой странѣ *культурное интенсивное хозяйство*.

Отсюда уже ясно, что при наличности эволюціи государственный организмъ не потерялъ бы силъ и здоровья; и революціи не было бы. Всякая страна выдѣляетъ изъ себя нездоровые соки, но отравить они могутъ только больной организмъ, какъ это и было у насъ. За послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ передъ революціей Россія была тяжкимъ хроникомъ, несмотря на кажущееся экономическое благополучіе. Ибо *болѣзнь гнилась въ душѣ народа*.

У насъ революцію сдѣлалъ и захватилъ власть численно ничтожный пролетаріатъ (конечно, при сочувствіи и пооще-

ни крестьянства), но удалось это ему только потому, что онъ былъ хорошо организованъ. Если бы мы имѣли, ко времени революціи, реорганизованнымъ на новыхъ началахъ, хоть одинъ изъ вышеуказанныхъ элементовъ, то революція была бы подавлена въ самомъ началѣ. Крестьяне собственники не дали бы разыгратъ революціи, какъ это было во Франціи въ 1870 году, и въ Венгріи и Финляндіи въ 1918 г. Организованная буржуазія подавила бы революцію, какъ это произошло въ Германіи; и, наконецъ, сильное правительство, органически связанное съ народной толщей, несомнѣнно могло бы подавить петроградское возстаніе, если бы были приняты должныя мѣры.

Такимъ образомъ, мы пришли къ заключенію, что революція произошла оттого, что *Россія своевременно не успѣла преобразоваться изъ государства патріархально-бюрократическаго въ буржуазно-крестьянское*, согласно современнымъ условіямъ жизни.

При такомъ *хозяйственно-соціологическомъ* объясненіи русской революціи (намѣченномъ здѣсь лишь вкратцѣ) было бы наивно и несправедливо возлагать отвѣтственность за происшедшее на какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицъ или дѣятелей.

Такъ, винить въ происшедшемъ русскихъ Царей невозможно; ибо, если даже допустить, что они не рождались геніями, провидящими судьбы своей страны на десятки лѣтъ впередъ, то ни они сами, ни монархическій образъ правленія не могутъ быть отвѣтственны за это. Всегда и всюду бываетъ такъ, что если Царь не геній, то онъ и его правительство идутъ по той дорогѣ, по которой ихъ направляетъ *равнодѣйствующая общественнаго мнѣнія*, конечно, при условіи, что указуемый путь не будетъ гибельнымъ или явно абсурднымъ. И этому «закону равнодѣйствующей» самодержавный монархъ подчиняется идейно и психологически нисколько не менѣе конституціоннаго короля.

Винить въ происшедшемъ народныя массы (крестьянъ и рабочихъ) было бы также несправедливо, уже въ силу того, что при нормальномъ положеніи дѣла *они не ведутъ, а всегда бываютъ ведомы*.

Война не была причиной революціи: она была лишь могучимъ *факторомъ, проявившимъ* отсутствие внутренней сланки и устойчивости въ странѣ.

Другое дѣло — общественное мнѣніе въ Россіи и вдохновлявшая имъ за послѣднія десятилѣтія литература. Идеи «крестьянина собственника» и «патріотической буржуазіи» были имъ совершенно чужды. Наша литература восхваляла идиллію крестьянской общины, а собственниковъ называла кулаками и мироѣдами. Она клеймила буржуазію и восхищалась пролетаріатомъ до босяковъ включительно, а болѣе всего занималась разрушеніемъ вѣры, семьи и морали.

Интеллигенція, вдохновлявшая нашу литературу и должна себя признать главной виновницей въ происшедшихъ печальныхъ событіяхъ, а всѣ остальные подсобники ея и враги національной Россіи (внутренніе и впѣшіе) — только использовали создавшуюся обстановку въ своихъ цѣляхъ.

Правительство не могло идти по той дорогѣ, куда звала его интеллигенція (демократическая республика и социализмъ), такъ какъ это было равносильно *государственному и національному самоубійству*; а потому оно, не зная что дѣлать, топталось на мѣстѣ до самого своего сверженія. Одинъ Столыпинъ, чутьемъ большого государственнаго человѣка и патріота, понялъ вѣрный путь и пошелъ по нему. Но развѣ одинъ въ полѣ воинъ? Революціонная интеллигенція покушалась на Столыпина до тѣхъ поръ, пока не убила его; а замѣстителя ему не нашлось.

И теперь, какъ и при Столыпинѣ, можно утверждать, что Россія не выздоровѣетъ, не успокоится и не начнетъ цвѣсти до тѣхъ поръ, пока въ ней не образуется классъ крѣпкихъ крестьянъ собственниковъ, національная патріотическая буржуазія и твердое правительство, возглавляемое монархомъ и поддерживающее живую связь съ народомъ, черезъ отвѣчающее народному духу представительство. Когда эти формы начнутъ намѣчаться, когда народъ снова вернется къ вѣрѣ своихъ праѣдовъ, тогда можно будетъ сказать: *революція окончена и Россія спасена.*

Д. Ненюковъ.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

4. Святой митрополитъ Алексѣй.

Святитель Алексѣй, въ міру Симеонъ-Елевѣерій, родился въ Москвѣ, въ девяностыхъ годахъ XIII столѣтія. Онъ былъ старшимъ сыномъ черниговскаго боярина Феодора Бяконта, переѣхавшаго на службу къ московскому князю Данилѣ Александровичу и занявшаго въ Москвѣ видное положеніе.

Воспреемникомъ Елевѣерія при крещеніи былъ сынъ Данилинъ, тогда еще юный Ивашъ Калита. Съ самаго ранняго дѣтства будущій святитель жилъ вблизи семьи московскаго князя. Какія же впечатлѣнія дѣтства и ранней юности должны были стать для него особенно яркими? — Крѣвая борьба Москвы съ Тверью, когда Юрій Даниловичъ и тверской князь Михаилъ Ярославичъ «сопротася о великомъ княженіи», когда они ходили въ Орду «въ спорѣ и въ брани велицѣ», когда «бысть замятна въ Суздальстей землѣ во всѣхъ градехъ». Эта борьба полна жестокости и заискиваній у хана. Убіеніе Михаила Тверскаго въ 1318 году татарами, убійство Юрія Московскаго въ 1324 году Михайловымъ сыномъ, Дмитріемъ Грознымъ Очи. Ужасъ Русской Земли передъ татарами— «въоружаются на люди твоя смиренныя, святителю преблажены Петре, сыны агаряны», пѣлось въ древнемъ канонѣ св. Петру митрополиту.

Итакъ, страшныя опасности для родной Москвы, а за нею для всей Земли Русской — вотъ съ чѣмъ вступалъ въ свою сознательную жизнь старшій сынъ боярина Бяконта. Дальше — правленіе въ Москвѣ его крестнаго отца, Ивана Калиты, который сначала замѣщалъ своего брата Юрія, отвлеченнаго другими заботами, а затѣмъ послѣ его смерти, самъ сдѣлался княземъ Московскимъ, а позднѣе и великимъ княземъ Владимірскимъ; и была «тишина» при немъ отъ татаръ для Московскаго удѣла и были лады съ Ордою. Да развѣ не открывало все это

глаза молодому Бякоштову сыну, москвичу, развитому и мыслящему, любящему свою Родину и стольный градъ ея,—на задачи ея князя и на обязанность помогать ему въ его дѣлѣ всѣми силами, для князя и для «православнаго христианства», т. е. для народа?

На 20—21 году Елевасерій постригся въ монахи, съ именемъ Алексѣя, въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ; это совершилось еще при митрополитѣ Петрѣ. Цѣлыхъ 20 лѣтъ проводитъ Алексѣй въ этомъ городскомъ монастырѣ, въ иноческомъ подвигѣ, въ чтеніи книгъ и самоуглубленіи: «начало премудрости, еже себя разумѣти», учила русская книжность, повторяя глубокую мысль древняго греческаго философа. По Богоявленскій монастырь не въ «прекрасной пустынѣ». Онъ въ самомъ городѣ Москвѣ. Его иноки постоянно видятъ князя и знаютъ объ его заботахъ; «житейское море» шумитъ и плещетъ своими волнами у самыхъ монастырскихъ воротъ. Иноки постоянно видятъ и кормчаго корабля Русской Церкви, ея митрополита. Церковныя и земскія задачи и опасности всегда передъ ихъ глазами. А самъ тогдашній митрополитъ, святитель Петръ, отдавалъ свои силы не только Церкви; онъ совѣтовалъ и князю Москвы, которая, послѣ его кончины, молитвенно къ нему взывала: «избави присныи градъ свой Москву и князя побѣдителя сотвори на враги». Образъ св. Петра, подвижника, пастыря, молитвенника за Русь и Москву, совѣтника и «отца» ея князя, *радителя за «державу» ея* — долженъ былъ залечатлѣться у инока Алексѣя на всю его жизнь и стать для него образцомъ.

Преемникъ св. Петра на митрополичьей кафедрѣ, Феогностъ, родомъ грекъ, и князь Иванъ Калита—выдѣляютъ Алексѣя изъ рядовъ иноковъ московскихъ монастырей. Въ 1340 году, сразу послѣ смерти Калиты, при князѣ Семенѣ, онъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ митрополита, съ завѣдываніемъ митрополичьимъ судомъ и имуществами кафедры. Постоянно при митрополитѣ, Алексѣй въ средѣ греческаго окруженія Феогноста, усваиваетъ греческій языкъ, читаетъ греческія книги. Въ то же время онъ все больше и больше входитъ и въ земскія задачи митрополичьяго престола той эпохи, подходя къ нимъ не только какъ церковный дѣятель Русской епархіи греческаго патріархата, но и какъ русскій человекъ, москвичъ по рожденію. Копится опытъ жизни, опытъ церковнаго и земскаго дѣ-

ланія. Умъ собираеть наблюденія и знанія, сердце дѣлаеть свои горестныя и радостныя замѣты. Не даромъ въ русской письменности того времени читалось, что, сотворивши чело-вѣка, Богъ «вложи ему очи видѣти и уши слышати и умъ свѣтовати». Жизнь подготовляла Алексѣя къ тому исключительно высокому положенію, которое онъ занялъ, ибо «на высокомъ мѣстѣ сидѣть — прострашныя надобно очи имѣть», какъ говорилось въ русскомъ народѣ.

Въ декабрѣ 1350 года Алексѣи уже епископъ Владиміра Клязьменскаго. Онъ намѣченъ въ преемники митрополита Θεогноста, и московскіе послы отправлены въ Константинополь за согласіемъ на это патріарха. 11 марта 1353 года Θεогность скончался. На той же недѣлѣ умерли два сына великаго князя Семена. Пропло еще около шести недѣль, и «минувшимъ сорочинамъ» митрополита Θεогноста, «преставися» великій князь Семень Ивановичъ. Въ Москвѣ, какъ и вообще на Руси, свирѣпствовала чума, черная смерть — «тогда бѣше много плачь зѣло и лютое кричаніе, съ горкимъ рыданіемъ: ктоже плакашеся своихъ мертвецъ, родители по чадахъ своихъ, а чада по родителехъ своихъ, и братья по своей братьи, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ и сердоболя вся по сродницехъ своихъ, прочіи бо вси плакахуся о душахъ своихъ».

Изъ Царяграда между тѣмъ, съ вернувшимися московскими послами, въ Москву былъ присланъ Алексѣю вызовъ пріѣхать для поставленія на митрополию всея Руси. Алексѣи отправился въ путь, а новый московскій князь, Иванъ Ивановичъ, использовалъ эту его поѣздку, поручивъ ему захватить въ Орду и исключотать тамъ для него ярлыкъ на великое княженіе.

Почти два года продержали Алексѣя въ Константинополѣ на испытаніи. Дары громадной стоимости были доставлены изъ Москвы въ патріархію за поставленіе русскаго, а не грека, русскимъ митрополитомъ. Ихъ дѣйствіе присоединилось къ личнымъ достоинствамъ Алексѣя, и онъ получилъ отъ патріарха настольную грамоту на митрополию Кіевскую и всея Руси. Но патріархія не легко соглашалась на передачу ея въ руки русскаго челоуѣка — она была слишкомъ обширна, многолюдна и богата. Поставленіе Алексѣя было объявлено лишь исключеніемъ, которое на будущее время не можетъ считаться

прецедентомъ. Сверхъ того, новому русскому митрополиту было предписано прїѣзжать въ Константинополь каждыя два года для полученія непосредственныхъ указаній патріарха, или, по крайней мѣрѣ, присылать за ними своего представителя. Въ Византіи отчетливо понимали опасность для нея поваго пути, по которому можетъ пойти дальнѣйшее развитіе Русской Церкви. «Священная христіанская политія», «христіанское общежитіе», какъ его понимали въ Византіи, требовало, чтобы всѣ епархіи Константинопольскаго патріарха были объединены однимъ высшимъ руководствомъ, а націоналізація Русской Церкви шла въ разрѣзъ съ этимъ требованіемъ. Она должна была вмѣстѣ съ тѣмъ и грозить выходомъ многолюдной и многодоходной Русской митрополии изъ ряда епархій, на которыя назначались греческіе ставленники, а также уменьшеніемъ доходовъ самой патріархіи. Наконецъ, выросло опасеніе сліянія задачъ и цѣлей Русской Церкви и Русской Земли, или, по крайней мѣрѣ, Московскаго Княжества.

А послѣднее уже совершалось. Святитель Алексѣй становился *политическимъ руководителемъ Москвы*. Князь Семень Ивановичъ въ своей духовной наказывалъ своимъ братьямъ Ивану и Андрею: «слушали бы есте отца нашего, владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, — хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ». А великій князь Иванъ Ивановичъ, какъ говорятъ греческіе акты, умирая въ 1359 году, «не только передалъ на попеченіе митрополиту своего сына, но и вручилъ ему завѣдываніе всею властью, не довѣряя никому другому».

Сынъ великаго князя Ивана, Дмитрій, остался послѣ смерти своего отца девятилѣтнимъ ребенкомъ. Вскорѣ умерла и его мать, княгиня Александра. Онъ былъ «единъ въ области великаго княженія». Ему, будущему побѣдителю татаръ на Куликовомъ полѣ, замѣнилъ и отца, и мать — митрополитъ Алексѣй. Охрана жизни князя-ребенка и его воспитаніе, сохраненіе его удѣла и отстаиваніе его правъ — встали передъ митрополитомъ Алексѣемъ, какъ его обязанность. А рядомъ съ этимъ — управленіе Московскимъ княжествомъ среди опасностей, его тогда окружавшихъ. Первою изъ нихъ была возможность утраты великаго княженія. Между тѣмъ мысль о томъ, что великое княженіе есть преемственное, отъ Владимира Святого и Ярослава Мудраго, мысль о значеніи великаго князя для Русской Земли, — жила прочно, несмотря на то, что

фактически ея осуществленіе не удавалось изъ-за того, что враждебные другъ другу княжества-удѣлы вели каждое свою особую политику. И митрополитъ Алексѣй, стоя во главѣ тогдашняго правительства Москвы и объединивъ около себя его боярство, *отстоялъ великое княженіе за малолѣтнимъ своимъ питомцемъ-княземъ*. Хлопоты въ Ордѣ объ ярлыкѣ на великое княженіе, вооруженная борьба съ соперникомъ, Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ — все это было сдѣлано и пережито, и въ концѣ концовъ суздальскій князь «отступился великаго княженія князю великому Дмитрію Ивановичу» и послѣдній «сидѣ на великомъ княженіи, на столѣ отца и дѣда своего». Послѣ окончанія этой длительной борьбы суздальскій князь Дмитрій даже выдалъ свою дочь Евдокію замужъ за шестнадцатилѣтняго Дмитрія Московскаго.

Итакъ, первая задача была разрѣшена — великое княженіе осталось за московскимъ княземъ. Но за нею выступали другія. Вотчинно-удѣльный укладъ, въ которомъ жили тогдашнія княжества, придавалъ имъ особые интересы, не слившіеся еще въ единый интересъ цѣлой Русской Земли. Они приходили въ столкновение и приводили князей къ соперничеству и борьбѣ. А между тѣмъ идея великаго княженія не умирала, какъ не умирало и *чувство единства Русской Земли*, хранимое и питаемое Русскою Церковью. Великое княженіе, силою исторіи, стало уже закрѣпляться за Москвою фактически, хотя только Дмитрій Донской передъ смертью, въ своей духовной, впервые объявилъ его своею «отчиною». Но въ дни св. Алексѣя это сознание не вылилось еще въ окончательную формулировку, которая только готовилась. И митрополитъ Алексѣй служилъ ея утвержденію, *и какъ іерархъ*, стоявшій во главѣ единой Русской Церкви, *и какъ политическій дѣятель Москвы*. Въ званіи митрополита онъ выступаетъ посредникомъ въ спорѣ тверскихъ князей, обратившихся къ его авторитету, и даетъ тверскому владыкѣ Василю благословеніе на переговоры съ ними. Въ 1367 году юный московскій князь, по совѣту святителя Алексѣя, заложилъ «городъ Москву камень», т. е. обратилъ московскій Кремль въ первоклассную крѣпость того времени. А въ 1368 году «князь великій Дмитрій Ивановичъ со отцемъ своимъ, преосвященнымъ Алексѣемъ митрополитомъ», пригласили «на Москву» тверскаго князя Михаила Александровича и учинили ему судъ «на миру въ

правдѣ». послѣ котораго «изымали» его и «поймали» бояръ, съ нимъ пріѣхавшихъ . . .

Въ Суздальской землѣ, споры Дмитрія и Бориса Константиновичей изъ-за Нижегородскаго княженія, послѣ смерти ихъ брата Андрея, вызвали посредничество Москвы. Послѣ неудачныхъ уговоровъ, митрополитъ Алексѣй примѣнилъ церковное оружіе къ утвердившемуся въ Нижнемъ князю Борису. Онъ присоединилъ Нижній Новгородъ и Городецъ къ своей собственной, митрополичьей епархіи и послалъ преподобнаго Сергія звать Бориса на судъ великаго князя въ Москву. Борисъ отвѣтилъ отказомъ, и игумень Сергій, «по митрополичьему слову Алексѣеву и великаго князя Дмитрія Ивановича», залерь нижегородскія церкви и воспретилъ въ нихъ богослуженіе. Къ этому церковному воздѣйствію присоединился походъ московской рати на Нижній, и Борисъ долженъ былъ смириться. Внутри самого Московскаго княжества стали ухудшаться отношенія великаго князя и его двоюроднаго брата Владиміра Андреевича изъ-за «удѣльныхъ» земель, и митрополитъ Алексѣй посредничалъ при заключеніи ими договоровъ. Такъ, въ междукняжескихъ столкновеніяхъ того времени, святитель Алексѣй стоялъ за московскимъ княземъ. *какъ его «отецъ», совѣтникъ и руководитель*, и весь свой громадный авторитетъ пастыря «православнаго христіанства» и главы русскаго епископата влагалъ въ дѣло установленія внутренняго мира ша Руси, залогомъ котораго были: признаніе главенства великаго князя и мощь Москвы, становившейся ея центромъ.

Въ то время центръ политической и духовной жизни сѣверо-восточной Руси дѣйствительно переносился въ Москву. За московскимъ княземъ закрѣплялось великокняжеское достоинство. Со всѣхъ концовъ Русской Земли въ Москву давно уже съѣзжалось *боярство*, сливавшееся здѣсь въ правящій классъ и приносившее съ собою не только свой наследственный, вѣковой опытъ службы и свои силы, но и кровныя связи съ боярскими родами другихъ княжествъ. Это боярство постепенно проникалось интересомъ Москвы и ея князя. Не даромъ житіе великаго князя Дмитрія влагаетъ въ уста умиравшаго князя такія слова его къ своимъ боярамъ: «съ вами царствовать, Землю Русскую держахъ . . . великое княженіе свое велими укрѣпихъ, миръ и тишину Земли Русскои сотворихъ,

отчину свою съ вами соблюдохъ. еже ми предать Богъ и родители мои». Лучшіе и опытнѣишіе представители государственнаго дѣланія собрались уже въ Москвѣ. Она становилась и создательницею основныхъ *кадровъ военной силы* Русской Земли, а ея Кремль, обнесенный каменными стѣнами, сдѣлался главною русскою *крѣпостью*.

Въ то же время росло и *духовное значеніе Москвы*. Престоль митрополии «Кіевской и всея Руси», фактически перенесенный въ 1299 году митрополитомъ Максимомъ во Владиміръ на Клязьмѣ изъ опустошеннаго татарами Кіева, былъ закрѣпленъ тамъ патріаршею грамотою 1354 года, хотя и съ оставленіемъ за Кіевомъ титулярнаго значенія митрополичьяго престола. Но митрополиты, со времени кончины святого Петра, канонизованнаго уже въ 1339 году, имѣли свое постоянное пребываніе въ Москвѣ. Она стала ихъ *резиденціей*, и это было окончательно закрѣплено митрополитомъ Алексѣемъ, занимавшимъ такое исключительное мѣсто въ ея правительствѣ. Число каменныхъ храмовъ и монастырей въ Москвѣ росло и росло. Уже при Иванѣ Калитѣ были построены каменные храмы во имя Спаса Преображенья, Іоанна Дѣствичника («что подъ колоколами»), Михаила Архангела и Успенія Богородицы. При князѣ Семенѣ они были расписаны иконными фресками. До митрополита Алексѣя въ Москвѣ были уже четыре монастыря: Даниловъ, Спасскій, Богоявленскій и Петровскій. Онъ построилъ еще четыре: Чудовъ или Чудовской (по преданію — на мѣстѣ ханской конюшни, подаренномъ ему исцѣленной имъ ханшею Тайдулой), Спасскій, Андрониковъ, Алексѣевскій (первый женскій монастырь въ Москвѣ) и Симоновъ. Продолжая дѣло св. Петра, митрополитъ Алексѣй заботливо обращалъ Москву въ городъ русской святыни, собраніе которой, какъ и собраніе Русской Земли, велось московскими князьями и русскими митрополитами.

Выроставшее значеніе Москвы, какъ общерусскаго центра, конечно, должно было обратить противъ нея все центробѣжныя силы, которыя были тогда такъ велики еще на Руси. Онѣ дѣйствовали и въ отдѣльныхъ княжествахъ. Онѣ были заложены и въ тогдашнемъ собраніи Русской Земли около двухъ центровъ, Москвы и Литвы. Борьба Москвы съ отдѣльными русскими княжествами и съ Литвою была неизбѣжна. Особенно грозною являлась борьба съ послѣднею, ибо государ-

ственное объединеніе ею русскихъ земель около себя отзывалось и въ отдѣльныхъ княжествахъ, давая имъ опору въ противодѣйствіи общерусскому дѣлу Москвы. Въ княженіе Дмитрія Ивановича начались вѣковыя столкновенія съ Литвою за русскія земли, отчину Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. На литовско-русскомъ престолѣ сидѣлъ тогда одинъ изъ наиболѣе выдающихся литовскихъ князей, сынъ Гедимина Ольгердъ. Онъ явно ставилъ своею задачею собраніе всей Русской Земли, иными словами — разрушеніе дѣла Москвы и торжество надъ нею. Но походы Ольгерда на Москву, съ осадю ея, сожженіемъ московскихъ посадовъ, съ личною опасностью для митрополита Алексѣя, въ «градѣ затворившагося», — не обратили, однако, Москвы во владѣніе Ольгерда. Она отстояла и себя, и свое дѣло.

Собраніе русскихъ земель въ Литовско-Русскомъ государствѣ и борьба его съ Москвою не могли не отражаться и на Русской Церкви. Возможно ли было сохраненіе ея единства при томъ *государственномъ* значеніи, которое она имѣла? Князь Галича и Волыни, Юрій Львовичъ, еще въ началѣ XIV столѣтія добивался въ Царьградѣ учрежденія особой митрополіи для своихъ владѣній. Съ захватомъ Галичины Польшею — вопросъ о выдѣленіи ея изъ состава митрополіи «всехъ Руси» становился еще болѣе острымъ. Не могла мириться съ подчиненіемъ жившему въ Москвѣ митрополиту и верховная власть Литовско-Русскаго государства, особенно при митрополитѣ Алексѣѣ, руководителѣ московской политики, такъ опредѣленно шедшей по пути созданія на Руси единаго великаго княженія. Ольгердъ официально обвинялъ святителя Алексѣя въ томъ, что онъ «благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови» и не заботится о Западной Руси, его государствѣ. Жалуется патріарху и тверской князь Михаилъ Александровичъ на «посяганье» Москвы на Тверь и на отлученіе его митрополитомъ отъ Церкви. Польскій король Казимиръ грозитъ насильственнымъ обращеніемъ своихъ русскихъ подданныхъ въ латинскую вѣру, если они будутъ оставаться подъ церковною властью митрополита Алексѣя. Патріархъ долженъ былъ напомнить послѣднему, чтобы онъ «назиралъ всю Землю Россійскую и имѣть ко всѣмъ князьямъ любовь и отеческое расположеніе, чтобы любилъ не нѣкоторыхъ только изъ нихъ . . . , но имѣлъ всѣхъ ихъ сынами своими и всѣхъ одинаково лю-

билъ». Но послѣдовать этому увѣщанію святитель Алексѣй не могъ. Онъ не могъ этого сдѣлать не только какъ москвичъ по «возлюбленному ему земному отечеству», но и какъ пастырь «православнаго христіанства», видѣвшій въ объединеніи Руси около Москвы спасеніе отъ кровавыхъ воиновъ между частями одного и того же русскаго народа, и незыблемую основу для развитія и безопасности національной Русской Церкви. Патриархія уступила требованіямъ Ольгерда. Сначала для нѣсколькихъ литовско-русскихъ епархій, а затѣмъ и для всей «Малой Россіи», хотя и безъ Кіева, былъ назначенъ особый митрополитъ въ лицѣ Романа. Послѣ его смерти въ 1361 году, временно, митрополія «всая Руси» опять воссоединилась подъ церковною властью святителя Алексѣя. Но въ 1371 году для Галичины былъ возведенъ въ санъ митрополита епископъ Антоній, а въ 1375 году на Кіевскую и Литовскую митрополію былъ поставленъ Кипріанъ, съ оговоркою, однако, что онъ получитъ всю Русскую митрополію послѣ приближающейся уже смерти митрополита Алексѣя.

Какъ настоятель Русской Церкви, святитель Алексѣй долженъ былъ находиться въ сношеніяхъ и съ Ордою. Уже со второй половины XIII вѣка ханы выдавали свои ярлыки русскимъ митрополитамъ, утверждая права Русской Церкви. Въ самой Ордѣ жило такъ много христіанъ, что еще въ серединѣ XIII столѣтія въ ней была создана Сарская епархія Русской Церкви. Въ Сараѣ приходилось бывать митрополиту Алексѣю и по церковнымъ дѣламъ, и по дѣламъ Московскаго княженія. Въ 1357 году онъ отправился въ Орду по вызову хана Чанибека, для исцѣленія его ослѣпшей жены Таидулы. Передъ отъѣздомъ святитель Алексѣй отиѣлъ молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ, и во время богослуженія у раки святого Петра «свѣща сама о себѣ возгорѣся». Эту свѣчу митрополитъ, «раздробивъ», роздалъ «народу на благословеніе», а часть ея «воску» взялъ съ собою въ путь. Ханъ, вмѣстѣ со своими сыновьями, окруженный татарскими князьями и вельможами, встрѣтилъ святителя «съ великою честію», а ханша, уже видѣвшая его во снѣ, ожидала его съ изготовленными для него «ризами святительскими». Совершивъ «архіерейское молебное пѣніе» и возжегши свѣчу изъ взятаго съ собою воска отъ раки святого Петра, митрополитъ окропилъ святою водою ханшу, и слѣпая прозрѣла. Такъ описываютъ это исцѣленіе лѣтописцы и от-

дѣльными житія святого Алексѣя. Житіе даетъ и объясненіе этой поѣздки святителя. Не только угрозу хана великому князю Ивану «землю» его «палѣнить» въ случаѣ непріѣзда митрополита въ Орду оно упоминаетъ, но говорить, что ханъ и Тайдула имѣли въ святителя Алексѣя «вѣру, яко послушаетъ его Богъ молящася». Оно прибавляетъ и слова самого митрополита: «аще кто съ вѣрою просить, не презрять его Богъ».

Но святой Алексѣй, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ и родной Москвѣ, закрѣпляя расположеніе къ ней въ Ордѣ. Это *не значило, конечно, что святитель примирился съ «агарянскою» властью*. Когда онъ умираетъ «въ старости честнѣ и въ старости глубоцѣ», 12 февраля 1378 года, онъ призываетъ къ себѣ великаго князя Дмитрія «и наказаніе его словесы духовными», а князь «любезно пріемлетъ въ сердца наказаніе словесъ отца своего и учителя». Что же было первымъ крупнымъ дѣломъ Дмитрія послѣ преставленія святого Алексѣя? — Походъ на «окаянныхъ» татаръ и пораженіе ихъ на Вождѣ 11 августа 1378 года, т. е. тотъ бой, который предварялъ Куликовскую битву 8 сентября 1380 года.

«Видѣвъ себе отъ старости изнемогши и къ концу ужъ приближающаяся», святитель Алексѣй былъ озабоченъ мыслью о своемъ преемникѣ на митрополитіи, которому онъ передастъ ее и свое церковное и русское дѣло. Кого же онъ имѣлъ намѣчать? — Того, кто былъ самымъ святымъ, самымъ чистымъ человекомъ во всей Русской Землѣ, — преподобнаго Сергія, игумена Троицкаго монастыря. Такъ часто бываетъ, что дѣятели боятся ставить около себя людей, равныхъ имъ или болѣе крупныхъ, чѣмъ они, по своимъ достоинствамъ и дарованіямъ, боятся сравненія себя съ ними. Святитель Алексѣй былъ чуждъ такой зависти, «мятежъ души полающей». Къ содѣйствію преподобнаго Сергія онъ постоянно обращался при своей жизни; его онъ, хотя и тиѣтно, убѣждалъ, приближаясь къ смерти, принять престоль митрополита всея Руси. Не свою личность, а свое великое дѣло святителя и русскаго человѣка онъ всегда имѣлъ въ своихъ завѣтныхъ мысляхъ, и оно было сокровищемъ его жизни.

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННАГО ВЫСТУПЛЕНІЯ БѢЛЫХЪ.

Красные: «Смѣло мы въ бой поидемъ
За власть совѣтовъ!
И какъ одинъ прольемъ
Мы кровь кадетовъ!..»

Бѣлые: «Смѣло мы въ бой поидемъ
За Русь Святую!
И какъ одинъ умремъ
За дорогую!..»

(Изъ пьесы гражданской войны).

I.

Неудача, постигшая вооруженное выступленіе бѣлыхъ, повела къ укрѣпленію коммунистической власти въ Россіи болѣе чѣмъ на десятилѣтіе. И потому историкъ, изслѣдующій пути и судьбы русской революціи, долженъ будетъ всесторонне изучить тѣ причины, которыя вызвали неудачу бѣлаго оружія.

Вооруженное выступленіе бѣлыхъ не есть самостоятельный и обособленный эпизодъ въ исторіи русской революціи: это есть одна изъ стадій большого патріотическаго движенія — *блага* движенія. Этихъ стадій было нѣсколько: зарожденіе, развертываніе (т. е. именно вооруженное выступленіе, — наиболѣе активная стадія движенія), исходъ его изъ Россіи, организація его за рубежомъ и... — какъ сложится дальнѣйшее развитіе бѣлаго движенія, сказать, конечно, трудно, но несомнѣнно, что послѣдняя стадія его далеко еще не пройдена.

Я хотѣлъ бы заранѣе оговориться о тѣхъ органическихъ недостаткахъ, которые неизбѣжны въ моемъ очеркѣ. Именно, я долженъ признать, что мое «я» совершенно поглощено бѣлымъ движеніемъ, вошло въ него, осталось въ немъ и будетъ въ немъ находиться до послѣдняго момента моего существованія. Поэтому, абсолютно безпристрастнымъ по отношенію къ бѣлому движенію я быть не могу... По именно поэтому без-

пристрастное рѣшеніе вопроса о томъ, почему мы, бѣлые, тогда не побѣдили и были вынуждены покинуть предѣлы Россіи, — пріобрѣтаетъ для меня дѣйственное значеніе. становится актомъ единой, продолжающейся борьбы.

Я не буду говорить здѣсь о моральномъ значеніи бѣлаго оружія... Не будь этого вооруженнаго сопротивленія, исторія могла бы считать, что все въ странѣ сочувствовало коммунистическому перевороту, что никто не нашелъ въ себѣ мужества протестовать противъ того, противъ чего порядочный человѣкъ не протестовать не могъ...

Въ тотъ моментъ, когда такъ называемый «пролетаріатъ» въ 1917 году захватилъ власть въ столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и началъ распространяться по другимъ большимъ городамъ, — окраины страны, хотя и были уже развращены революціей, но не знали еще большевизма. Это давало бѣлымъ возможность уходить на окраины и формировать тамъ свои кадры; но это вело и къ тому, что окраины, «не изжившія еще» (какъ тогда говорили) большевизма, не знали и не понимали, *чѣмъ* онъ имъ грозитъ и потому не нашли въ себѣ силъ для поддержки бѣлыхъ выступленій до конца.

Бѣлое движеніе, какъ вооруженная борьба, зародилось сначала на *южной* окраинѣ Россіи и лишь потомъ вспыхнуло въ другихъ мѣстахъ. Борьба велась дольше всего тамъ, гдѣ она началась ранѣе всего, на югѣ, гдѣ 15 ноября 1917 г. (по новому стилю) генералъ Алексѣевъ поднялъ въ Ростовѣ на Дону знамя протеста. Этотъ фронтъ просуществовалъ почти день въ день три года. На востокѣ, считая съ момента переворота адмирала Колчака до его убійства (съ ноября 1918 года до 7 февраля 1920 года), борьба длилась годъ и три мѣсяца. На сѣверѣ фронтъ генерала Миллера жилъ съ августа 1918 года по февраль 1920 года, т. е. почти полтора года. И менѣе года просуществовалъ западный фронтъ генерала Юденича — съ конца 1918 года по октябрь 1919 года.

Мое краткое изслѣдованіе я дѣлю на три части. Первая — это разборъ данныхъ, которыя, съ моею точки зрѣнія неправильно «принято» считать за причины неудачи бѣлыхъ; вторая — изслѣдованіе факторовъ, которые, не составляя непосредственно самихъ причинъ, какъ бы ложатся въ основу послѣднихъ; и третья — изученіе того, что я считаю дѣйствительными причинами неудачи вооруженнаго выступленія.

Начну съ первой и въ частности съ оцѣнки *стратегическаго* положенія сторонъ въ гражданской войнѣ и тѣхъ *промаховъ*, которые были допущены съ обѣихъ сторонъ, какъ въ области широкой — стратегіи, такъ и въ болѣе узкой формѣ — *тактики*.

При одномъ взглядѣ на карту Россіи въ моментъ существованія *всѣхъ* бѣлыхъ фронтовъ, бросается въ глаза ихъ общее положеніе: въ серединѣ сплошное ядро красныхъ силъ, базирующихся на центръ страны и ея богатства; и вокругъ — кольцо бѣлыхъ силъ, имѣющихъ за собою почти во всѣхъ случаяхъ только море. А. какъ извѣстно, центральная власть всегда сильнѣе окраинныхъ протестовъ...

Въ стратегіи возможность *сплошнаго окруженія* надо считать, конечно, большимъ преимуществомъ, и потому, съ чисто теоретической точки зрѣнія, можно было бы считать положеніе бѣлыхъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе красныхъ внутри охватывающаго ихъ *кольца*. Однако, преимущество охвата было только кажущееся: для того, чтобы создать дѣйствительное кольцо, у бѣлыхъ не хватало многого. Во-первыхъ, *одновременное* существованіе всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ длилось *меньше года*, т. е. срокъ существованія западнаго фронта, тогда какъ движеніе было разбросано на неизмѣримыхъ пространствахъ; во-вторыхъ, и въ это время «кольцо» не только не замыкалось, но въ немъ были огромные пробѣлы и прорывы напризмѣръ, въ видѣ промежутка между правымъ флангомъ Юденича и лѣвымъ флангомъ Деникина, промежутка, занятаго далеко неблагоприятными къ бѣлымъ польскими войсками...; въ-третьихъ, не было единаго управленія всѣми бѣлыми силами, и не потому, что этого «не хотѣли» руководители отдѣльных бѣлыхъ фронтовъ, но потому, что не было физической возможности создать единое командованіе. Стоить только вспомнить, что генераль Деникинъ для связи съ адмираломъ Колчакомъ (онъ считалъ себя подчиненнымъ ему) долженъ былъ пользоваться изъ Екатеринодара телеграфомъ — или черезъ русскаго посла Демидова въ Аѣинахъ, или черезъ Парижъ. Всѣ попытки установить иную связь кончались неудачей. Посланный Колчакомъ ротмистръ Толстой-Милославскій пропутешествовалъ ранѣе, чѣмъ добраться до юга, едва ли не четыре мѣсяца: поѣхавшій съ юга къ адмиралу Колчаку генераль Гришинъ-Алмазовъ такъ и не достигъ своей цѣли, — онъ погибъ въ Каспійскомъ морѣ отъ руки больше-

виковъ. Такъ было и въ сношеніяхъ между другими фронтами... Только лѣтомъ 1919 года на короткій промежутокъ времени въ Царицынѣ была установлена прямая связь фронта Колчака съ фронтомъ Деникина въ лицѣ уральскаго разѣзда, но эта тоненькая ниточка держалась только одно мгновенье; и къ тому же въ этотъ періодъ восточный фронтъ переживалъ уже періодъ неудачъ...

Этимъ стратегическое преимущество передается краснымъ: оно давало имъ возможность, подобно Германіи въ Европейскую войну, вести борьбу по внутреннимъ операціоннымъ линиямъ и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска съ одного фронта на другой для того, чтобы наносить тотъ или иной заранѣе намѣченный ударъ. А размѣры бѣлыхъ силъ были таковы, что имъ *сжимать* было труднѣе, чѣмъ краснымъ *рвать*... У бѣлыхъ не было превосходства силъ для окруженія ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ масштабѣ (напр., окруженіе большевиковъ въ Ставрополѣ слабыми добровольческими частями и прорывъ красныхъ въ степь на востокъ осенью 1918 года).

Нельзя, однако, не упомянуть, что бѣлые не проявили рѣшительнаго стремленія исправить недостатки своего стратегическаго положенія. Вспомнимъ споры на югѣ Россіи изъ-за такъ называемой «правой» стратегіи (выдвиженіе направо, на востокъ, къ Волгѣ) и «лѣвой» стратегіи (выдвиженіе налѣво, на западъ, на Украину). Я лично всегда былъ сторонникомъ «правой» стратегіи, такъ какъ она вела къ объединенію фронтовъ восточнаго и южнаго, а слѣдовательно создавала если не кольцо, то хотя бы охватъ красныхъ.

Несомнѣнно, что «ошибки» дѣлались, какъ всегда, съ обѣихъ сторонъ; что онѣ были и у бѣлыхъ. Но считать ихъ непосредственными причинами неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ нельзя: ибо во всякой войнѣ бываютъ и стратегическія, и тактическія ошибки, но одиѣ онѣ къ пораженію ведутъ очень рѣдко...

И враги, и друзья бѣлаго движенія, и болѣе лѣвые, и болѣе правые, — указывали не разъ, какъ на причину неудачи, на такъ называемое *отсутствіе положительной идеологии* на бѣлой сторонѣ.

Справа бѣлыхъ обычно упрекаютъ въ томъ, что они не провозгласили чисто монархическаго лозунга. Я долженъ ска-

зять, что я открыто исповѣдую монархическія убѣжденія, и не только теперь, но исповѣдывалъ ихъ и на южномъ фронтѣ бѣлой борьбы, и притомъ въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя монархической газеты («Россія» и «Великая Россія» въ 1918—1919 г.г.). Но именно поэтому я представляю себѣ, что провозглашеніе монархическаго лозунга было возможно только въ единственномъ случаѣ и только на фронтѣ адмирала Колчака: именно, если бы удалось искуснымъ военнымъ выдвиженіемъ предотвратить преступленіе 17 июля 1918 года, вслѣдствіе чего на восточномъ фронтѣ оказался бы Императоръ Николай II и его Семья... Другого случая я не знаю. Ибо во всѣхъ остальныхъ случаяхъ *всякое провозглашеніе монархическаго лозунга привело бы не къ объединенію, а къ разгединенію бойцовъ*, сражавшихся въ боевой линіи и объединенныхъ *родиной, честью и врагомъ*. Именно пребываніе въ арміи научило меня (ибо первое время я самъ въ донесеніяхъ генералу Алексѣеву, изъ Харькова, и лично настаивалъ на провозглашеніи монархическаго лозунга) тому, что этотъ вопросъ рѣшающаго значенія для *дѣйствительныхъ* борцовъ не имѣлъ; беречь его — значило бы вносить страстность въ среду тѣхъ, кого надо было всѣми силами отъ этого оберегать.

Самый опытъ жизни бѣлыхъ фронтовъ показалъ, какъ мало значило провозглашеніе этого лозунга для успѣха или неуспѣха арміи. Вѣдь были опыты формировація бѣлыхъ армій подъ чисто монархическими лозунгами: созданная при помощи гѣмцевъ Астраханская армія, оперировавшая и въ большей своей части погибшая подъ Царицыномъ, и Южная армія, подъ главенствомъ генерала Иванова оперировавшая въ Воронежской губерніи — носили на себѣ цвѣта дома Романовыхъ, но не поглотили собою другихъ формированій, а сами растворились въ нихъ. Не спасла бѣлага дѣла и Земская рать генерала Дидерихса, объявившая монархическій лозунгъ въ борьбѣ съ красными на Дальнемъ Востока!..

Упреки въ отсутствіи «опредѣленной идеологіи» дѣлался бѣлымъ и стѣва. На этомъ упрекѣ долго останавливаться не стоить. Самый составъ арміи совершенно исключалъ возможность навязыванія ей «демократическихъ» лозунговъ: эти лозунги на протяженіи русской революціи достаточно уже причинили горя русскому офицерству, которое въ большинствѣ и составляло ряды бѣлыхъ формированій. Однако, и здѣсь исторія

дала живое доказательство безсилія соотвѣтствующихъ лозунговъ: демократическая армія Учредительнаго Собранія на Волгѣ развалилась не столько отъ натиска противника, сколько отъ своей собственной «демократичности», т. е. отъ комитетовъ, «сознательной» дисциплины и прочихъ прелестей революціонной эпохи.

При обсужденіи этихъ упрековъ необходимо помнить о томъ, какъ родились бѣлые фронты. На окраины стихійно кинулись всѣ тѣ, кто въ душѣ своей затаилъ протестъ противъ совершившагося насилія надъ страной, кто стремился донести этотъ протестъ до бѣлыхъ рядовъ и жилъ имъ въ періодъ вооруженной борьбы на фронтѣ... Для всѣхъ бѣлыхъ исповѣдуемая ими идеологія *освобожденія* Россіи всегда была въ достаточной степени *положительной*, что они и доказали, упорно продолжая эту борьбу, несмотря на натиски какъ слѣва, такъ и справа... Иного и быть не могло, ибо только это и именно это соотвѣтствовало настроенію главной части бѣлыхъ, русскаго офицерства! Въдѣ въ бѣлые ряды шли не потому, что искали собственного спасенія; нѣтъ, туда шли именно тѣ, кто хотѣлъ *бороться*...

Только часть такихъ сильныхъ людей въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ оставалась въ самой гущѣ красныхъ для борьбы съ ними на мѣстѣ, изнутри. Всѣ остальные или сразу попадали въ бѣлые ряды, или же присоединялись къ нимъ по мѣрѣ продвиженія бѣлыхъ фронтовъ къ центру страны. Тѣ же, кому красная власть угрожала, но кто не чувствовалъ въ себѣ силы для борьбы, имѣли возможность уйти за границу хотя бы черезъ Финляндію; не мало офицеровъ и солдатъ, не стремившихся къ борьбѣ за Родину, было вывезено также нѣмцами изъ Кіева...

Нѣтъ, упреки въ отсутствіи идеологіи, въ непріятіи правыхъ или лѣвыхъ лозунговъ, не указываютъ причины нашихъ неудачъ. Это только демагогическій пріемъ въ демагогическихъ выступленіяхъ, не больше!

Необходимо остановиться также и на тѣхъ *элементахъ*, изъ которыхъ состояли бѣлая армія: таковы ея *начальники* и *армія* въ своей массѣ.

Въ отношеніи военной подготовки, боевого опыта и техническихъ знаній у руководителей арміи — всѣ преимущества были, конечно, на сторонѣ бѣлыхъ. Въ этомъ отношеніи возж-

дей можно было бы раздѣлить на три группы: старыя начальники Русской Арміи; начальники, выдвинувшіеся изъ рядового офицерства; и, наконецъ, начальники, выдвинутые волюнтаристскою революціею и революціонною борьбою.

Въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ *первой* группѣ, бѣлыя арміи имѣли въ своихъ рядахъ почти всѣхъ выдающихся русскихъ вождей европейской войны. Мы видимъ въ рядахъ бѣлыхъ двухъ Верховныхъ Главнокомандующихъ Алексѣева и Корнилова; мы видимъ главнокомандующихъ арміями фронта — Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видимъ въ рядахъ бѣлаго генералитета почти исключительно лицъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ, или съ теоретическимъ цензомъ, въ лицѣ генераловъ Врангеля и Краснова, или кромѣ того и со служебнымъ — Калединъ, Марковъ, Дроздовскій, Богаевскій, Лукомскій, Казановичъ, Май-Маевскій, Юденичъ, Флугъ, Миллеръ, Эрдели, Марушевскій, Мурузи, Сахаровъ, Дидерихсъ, Капель и др.

Что касается второй и третьей группы, то въ этомъ отношеніи я не вижу никакого различія между красными и бѣлыми рядами: если у красныхъ были Гиттисъ и Тухачевскій, офицеры по службѣ и образованію, то у бѣлыхъ были Покровскій и Шкуро; если у красныхъ командовали порожденные революціею матросъ Дыбенко и вахмистръ Буденный, то въ бѣлыхъ рядахъ командовали Пенелѣевъ, фельдшеръ Гаида, выпедшіе изъ казачьихъ низовъ генералы Топорковъ и Павличенко...

Итакъ, обѣ послѣднія группы были представлены на *объихъ* сторонахъ. Но преимущество образованія и старыхъ навыковъ было, конечно, у бѣлыхъ, хотя бы уже потому, что въ красные ряды только съ теченіемъ времени вошли Селивачевъ, Балтійскій, Парскій, Сытинъ и Гуторъ... Тутъ время работало противъ бѣлыхъ!..

Но и тутъ, какъ въ вопросѣ о настроеніяхъ окраинъ, въ преимуществахъ бѣлыхъ вождей таились и ихъ недостатки: всѣ они были опытные и порой ученые военачальники, но большинство изъ нихъ обнаруживало *отсутствіе необходимой творческой гибкости и рѣшительности* въ совершенно исключительной обстановкѣ. Исключеній было мало; ихъ имена говорить сами за себя...

Что же касается главной массы бѣлыхъ арміи, то здѣсь, въ особенности съ начала вооруженнаго выступленія бѣлыхъ, всѣ преимущества были на ихъ сторонѣ. Нѣтъ лучше состава для арміи, какъ тотъ, который *идетъ на борьбу въ силу одухотворяющей его идеи*; а такимъ и былъ составъ бѣлыхъ съ самаго начала борьбы. Вотъ почему въ періодъ первыхъ выступленій ничтожныхъ силъ въ Сибири, въ началѣ продвиженія на югъ фронта генерала Миллера, въ первыхъ шагахъ отряда генерала Родзянко на западъ и въ операціяхъ Добровольческой арміи на Сѣверномъ Кавказѣ, когда ей приходилось снабжать себя патронами и снарядами, добывая ихъ у красныхъ, конечно, съ боя, — мы всюду видимъ успѣхи; и потому же съ выходомъ всѣхъ фронтовъ на русскую равнину мы видимъ, что всѣ они, постепенно захлебываясь въ пространствахъ и во времени, приходятъ къ отступленію . . .

Въ тотъ періодъ у красныхъ были только насильно мобилизованные, такъ какъ партійныхъ коммунистовъ, добровольно пополнявшихъ ряды, было мало . . . ; а мобилизованные, конечно, представляли собою матеріаль. съ боевой точки зрѣнія, отрицательный. Но съ теченіемъ времени, которое, какъ я уже говорилъ, благопріятствовало краснымъ, обстановка мѣнялась: надо было пополнять убыль въ таявшихъ рядахъ и бѣлымъ пришлось также прибѣгнуть къ мобилизаціи, т. е. къ принудительному привлеченію населенія въ свои ряды . . . Другихъ способовъ не было. Конечно, это развращало бѣлые ряды, такъ же какъ и та масса выживавшихъ, которая вливалась въ ряды побѣдителей, какими и были сначала бѣлые, и, превращая полки ихъ въ дивизіи, а дивизіи въ корпуса, на самомъ дѣлѣ не давала никакой реальной силы, потому что при первыхъ же неуспѣхахъ покидала боевые ряды . . .

Для характеристики, какъ трудно давалось пополненіе рядовъ, я приведу одну попытку, свидѣтелемъ которой я былъ самъ. Я имѣю въ виду прибытіе въ Екатеринодаръ изъ Франціи такъ называемаго «Легіона Чести». Украшенные трехцвѣтными знаменами, французскими военными крестами и медалями, ослѣненные репутаціей людей, которые единственные изъ всѣхъ русскихъ находившихся во Франціи не измѣнили принятой присягѣ, — они пришли и дополнили собою ряды южнаго бѣлаго фронта и . . . въ первомъ же бою перешли на сторону красныхъ, оставивъ у бѣлыхъ только своихъ офице-

ровь... Правда, перешли не всё: офицерская пулеметная рота сосѣдняго по фронту съ «легіономъ чести» полка въ-время замѣтила «маневръ» легіонеровъ и уменьшила число перебѣлчиковъ... Легіонеры стремились домой и почему-то думали, что ихъ не задержатъ для пополненія красныхъ рядовъ, какъ задерживали въ бѣлыхъ линіяхъ...

И опять, дѣлая выводъ, я долженъ придти къ заключенію, что первоначальное преимущество бѣлыхъ съ теченіемъ времени переходило на сторону красныхъ, которымъ мобилизованный матеріалъ давалъ лучшіе результаты. О причинахъ этого — въ дальнѣйшемъ.

Итакъ, во всемъ доселѣ разсмотрѣнномъ можно, конечно, найти извѣстныя данныя для того или иного объясненія бѣлыхъ неудачъ, но все это, конечно, не могло быть рѣшающимъ.

Несравненно большій вѣсъ имѣли иные факторы, которые возможно считать основаніемъ причинъ неудачи бѣлыхъ. Къ нимъ я теперь и перейду.

Я начну съ характеристики тѣхъ, кого бѣлые называли тогда «союзниками» и надежду на которыхъ принято. быть можетъ и не безъ основанія, ставить въ упрекъ бѣлымъ...

Генераль Деникинъ въ своемъ трудѣ называетъ политику державъ Антанты *свокорыстной*. Мнѣ кажется, что это и есть самое правильное опредѣленіе этой политики. «Союзниковъ» нельзя, конечно, считать *предателями*, ибо въ концѣ концовъ они, послѣ мира въ Брестѣ, ничего реального Россіи, какъ таковой, не обѣщали; а наши русскіе національные интересы были имъ совершенно чужды и они расцѣпывали ихъ не высоко. Они были дѣйствительно *свокорыстны*, т. е. они соблюдали только свои собственные интересы и далѣе этого не шли.

Всѣмъ хорошо памятна роль «союзниковъ» въ Сибири: вся «помощь», вся поддержка бѣлымъ длилась только до тѣхъ поръ, пока державамъ Согласія угрожали германцы и пока надо было во что бы то ни стало создать хотя бы только угрозу возстановленія русско-германскаго фронта. На этомъ-то фронтѣ и оказались — и чехо-словаки, сыгравшіе впоследствии такую плачевную роль въ ликвидаціи фронта адмирала Колчака, и японцы, и американцы, поляки, юго-славяне, и даже французы съ ихъ генераломъ, санкціонировавшимъ впоследствии предательство по отношенію къ русскому вождю...

И на сѣверномъ фронтѣ, какъ и на Волгѣ за чехо-словаками, формировались русскія силы за англичанами и французами; и тамъ такъ же, какъ и въ Сибири, «союзники» оставались лишь до тѣхъ поръ, пока событія на поляхъ Франци не сдѣлали русскій фронтъ просто излишнимъ... Тогда англичане ушли; правда, они предложили русскимъ уйти вмѣстѣ съ ними, но, когда тѣ, стремясь къ освобожденію Родины, естественно отказались, то англичане передъ уходомъ, вмѣсто того, чтобы передать запасы и снаряженіе русскимъ, *утопили все въ морѣ*... И послѣ ихъ ухода снабженіе сѣвернаго фронта велось со дна моря... Легко себѣ представить, въ какомъ видѣ море возвращало все то, что оно получило отъ «союзниковъ».

Нельзя не вспомнить также роль англійскаго флота при наступленіи бѣлыхъ на Петроградъ, — когда русскія силы при атакѣ Красной Горки были оставлены ими безъ всякой поддержки... Нельзя не вспомнить также «первую Одессу» и «первый Крымъ», внезапно оставленные «союзниками» въ петлѣный и ничѣмъ не вызываемый 48-ми часовой срокъ! Не надо забывать и той психологической загадки, что первые танки были получены большевиками подъ Березовкой у Одессы отъ французовъ, бѣжавшихъ передъ красными потому, что по ихъ свѣдѣніямъ въ рядахъ большевиковъ оказались пѣмецкіе инструктора, т. е. тѣ самые враги, побѣду надъ которыми «союзники» какъ разъ въ это время праздновали на западномъ фронтѣ!..

Достаточно вспомнить тѣ обѣщанія, которыя давали отъ лица своего правительства французскій консулъ Энно въ Одессѣ и французскій офицеръ Эрлишъ въ Екатеринодарѣ... Теперь многое тайное стало уже явнымъ. Въ «Архивѣ русской революціи» *) напечатана секретная сводка сношеній главнаго командованія на югѣ съ командованіемъ французскимъ: гдѣ же тѣ «дивизіи», которыя были обѣщаны французами на смѣну уходившихъ съ Украины нѣмцевъ? Вся «помощь» ограничилась только снабженіемъ, даннымъ англичанами, которые однако, въ то же время не преминули поддержать враждебныя Деникину кавказскія новообразованія...

Политика «союзниковъ» была именпо своекорыстной: имъ была нужна противогерманская Россія; а потомъ?... есть

*) Томъ XVI.

основанія предполагать, что они продолжали «поддержку» лишь въ силу того, что *россійская неразбериха была просто выгодна для нихъ*...

Вспомнимъ и Крымъ послѣдняго періода, періода командования генерала Врангеля. Англичане закончили свое «содѣйствіе» уже въ Новороссійскѣ. А французы... Если считать «помощью» словесное «признаніе» и присылку комиссара Мартея, то, конечно, они помогли. Но если въ помощи видѣть что-либо болѣе реальное, то она безспорно была миражемъ.

Выводъ ясенъ: «союзники» работали *на себя* и «помощь» ихъ бѣлымъ была далеко не такъ реальна, какъ это принято изображать.

Однако, говоря такъ о «союзникахъ», я считаю себя обязаннымъ вспомнить тѣхъ англичанъ, которые были съ нами въ самомъ пеклѣ боевыхъ линій. Такъ, въ Кіевѣ, въ концѣ 1919 года, я помню англичанъ, которые, зная по-русски только одно слово «ура», ходили въ атаку съ русскими ротами, оставшимися безъ офицера. Они *поняли*, что такое большевики; но убѣдить въ этомъ своихъ соотечественниковъ, оставшихся на родинѣ, они не могли. Нельзя не вспомнить и тѣхъ французовъ, которые, будучи на мѣстѣ дѣйствія, не смогли отказать въ помощи бѣлымъ при эвакуаціи Крыма... Быть можетъ ихъ измѣнило то, что они *увидѣли* въ Россіи? Но вопросы помощи рѣшались не на мѣстахъ боя, а въ Лондонѣ и Парижѣ, въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ.

Останавливаясь на взаимоотношеніяхъ съ иностранцами, я долженъ сказать, что въ политикѣ бѣлыхъ тоже не все было благополучно и удачно; и въ такой борьбѣ, когда надо было пользоваться всѣмъ, быть можетъ даже пренебрегая извѣстными послѣдствіями, мы не умѣли привлечь и использовать всю иностранную помощь — и великодержавную, и окраинную...

Такъ, нельзя не пожалѣть, что наши старые дипломатическіе представители, сохранившіе на мѣстахъ свое положеніе и располагавшіе прежними средствами, порою признавали русскіе бѣлые фронты и силы лишь съ оговорками, «постольку — поскольку». неудачно примѣняя эту формулу проклятія, порожденную революціей!

Но и въ сношеніяхъ съ лимитрофами было много промаховъ. Такъ, непризнаніе, адмираломъ Колчакомъ или же про-

сто генераломъ Юденичемъ — фактически уже осуществленной самостоятельности Финляндіи и Эстоніи, быть можетъ было основной причиной неудачи бѣлыхъ на западномъ фронтѣ; непризнание же поляковъ генераломъ Деникинымъ сдѣлало ихъ постоянными противниками бѣлыхъ. Возможно, что нѣсколько иначе слѣдовало разговаривать и съ «украинцами». Я говорю, конечно, не о Петлюрѣ, ибо мало кто возьмется опредѣлить, гдѣ кончалось «украинство» Симона Петлюры и гдѣ начинался большевизмъ Льва Троцкаго. Но «украинцевъ» гетмана было цѣлесообразно признать...

И опять, переходя къ очередному заключенію, я долженъ повторить, что взаимоотношенія съ «союзниками», при наличности ихъ своекорыстія и нашихъ упущеній, все-таки нельзя разсматривать, какъ основную причину неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ...

Въ чемъ же она?

А. фонъ-Лампе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТАРЧЕСКІЕ ЗАВѢТЫ.

III.

Мы возвращались домой. Высокія и суровыя горы вполне гармонировали съ тѣми высокими мыслями, которыя развивалъ Петръ Ивановичъ. Все и въ природѣ, и въ разговорѣ было красиво и интересно.

— Что же, — сказалъ я, — по вашему нужно дѣлать? Что главное въ жизни?

— Вотъ, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ. — мы съ вами и дошли до самаго существеннаго. Человѣкъ въ началѣ жизни живетъ, не задумываясь надъ ея сущностью. Затѣмъ неясныя и случайныя мысли объ этомъ все чаще и чаще приходятъ ему въ голову. И, наконецъ, наступаетъ возрастъ (у разныхъ людей онъ приходитъ въ разное время), когда человѣкъ ставитъ себѣ окончательный вопросъ: что же главное въ моей жизни? что мнѣ прежде всего остальнаго нужно дѣлать?

Видите ли, — человѣкъ не созданъ для того, чтобы жить скотомъ. На то имѣются настоящіе скоты.

Но что же у насъ есть кромѣ тѣла? Разумъ. Это великій даръ, и имъ люди могутъ многаго достигнуть. Онъ можетъ, при правильномъ направленіи, привести въ порядокъ нашу внѣшнюю жизнь. — и онъ же, взявши неправильный курсъ, можетъ ее совершенно разрушить. Онъ можетъ побудить насъ дѣлать добрые или злые поступки. Онъ можетъ разработать и увеличить наши земныя знанія. Онъ же можетъ и заглушить и упрочить въ нашей жизни божественныя впечатлѣнія, не рожденныя имъ, но полученныя имъ откуда-то. Но откуда?

Вамъ никогда не случалось. — продолжалъ онъ, — разумомъ обдумывать положеніе, или скорѣе предстоящее вамъ дѣйствіе? Разсужденія ума были правильны. Заключение — послѣдовательны. Вы взвѣсили все «за» и «противъ». И ясно вышло, что вамъ надо пойти налѣво. Вы уже готовы идти туда. Но какой-то внутренній голосъ настойчиво требуетъ, чтобы вы

шли прямо. И замѣьте, — этотъ внутренній голосъ обыкновенно бываетъ правъ. Паскаль сказалъ: «Le coeur a des raisons, que la raison ne connaît pas»^{*)}). Что это за сердце, о которомъ говоритъ Паскаль? А что такое совѣсть, о которой онъ же писалъ, что она есть «законъ законовъ»? Что въ насъ способно любить, хранить вѣрность, или толкать на благородное самопожертвованіе для спасенія слабыхъ? Все это — одно. Это *духовная часть* человѣка, которая выше тѣхъ двухъ частей, умственной и тѣлесной.

Въ книгѣ «Бытія» очень образно описано, какъ Господь вдунулъ въ человѣка «дыханіе жизни». Этотъ нашъ *духъ жизни* можетъ почувствовать Бога такъ, какъ никогда нашъ умъ не будетъ въ состояніи Его понять. Что есть сильное тѣло безъ благородства души? Что есть сильный умъ безъ любви? Будетъ ли это насъ утѣшать въ минуту смерти? Или же, безъ этого духа жизни, мы, на порогѣ смерти, окажемся, какъ корабли безъ руля. И этотъ чудный даръ, это наше высшее «я» мы унижаемъ, то таская его по скотскимъ развлеченіямъ, то погружая его въ умственные поклоненія призракамъ и предразсудкамъ.

Вотъ гдѣ главное: *нужно въ себя возвысить этотъ драгоценный духъ жизни*. Но какъ? . . . Отвѣчу вамъ словами Бурже: «Воспитывайте въ себѣ двѣ великія добродѣтели, двѣ силы, виѣ которыхъ — все гниль и агонія: *любовь и энергію воли*». Это можно дѣлать во всякихъ обстоятельствахъ.

— Но позвольте, — возразилъ я, — любовь, я понимаю. Она возвышаетъ духъ. Но причемъ же тутъ энергія воли? Не противно ли это христіанскому ученію? вѣдь христіанинъ долженъ обладать смиреніемъ и помнить, что безъ Бога онъ ничего не можетъ сдѣлать.

— Мнѣ кажется, — возмущенно сказалъ старикъ, — что у васъ самое превратное понятіе о христіанскомъ ученіи. Возвышеніе духа есть главная цѣль христіанина. Но это очень нелегко и требуетъ борьбы съ низшей природою. И вы, конечно, правы, что безъ помощи Божіей мы бы и не достигли побѣды. Поэтому мы ея и просимъ, по Евангелію: «Просите и дастся вамъ». Но для чего просимъ. *Для борьбы* — сначала съ собою, а по достиженіи силы—со зломъ. Въ Писаніи прямо при-

^{*)} Сердце имѣетъ разумныя основанія, которыхъ разумъ не знаетъ.

казано: «Противостаньте диаволу, и убѣжить отъ васъ» (Іак., 4. 7), т. е. если не будете бороться и не противостанете, то онъ при васъ и останется. Въ другомъ мѣстѣ Евангелія вы читаете: «Съ сего времени Царствіе Божіе благовѣствуется, и всякій усиліемъ входитъ въ него» (Лук., 16. 16). Если вы не будете усиливаться побороть свои низменные инстинкты, то никто за васъ этого не сдѣлаетъ. Всякому изъ насъ Богъ даетъ въ нашей земной жизни свою жизненную задачу, которую мы и обязаны исполнить. Это нашъ долгъ. Тому, кто Бога ищетъ и старается понять Его волю, Онъ постепенно и откроетъ, въ чемъ этотъ долгъ заключается. А между тѣмъ всякій изъ насъ не зря попадетъ въ ту или иную обстановку, и долгъ его терпѣливо и мужественно пробиться черезъ такую жизнь.

Всякій, искренно просящій у Бога духа и силы — ихъ получить. «Блаженны нищіе духомъ», (т. е. просящіе духа, какъ нищіе), «ибо таковыхъ есть Царство Небесное». Но не надо ограничиваться одной просьбой. Горе тѣмъ, которые, получивши силу, не употребляютъ ее на совершенствованіе, на помощь людямъ и борьбу со зломъ. Сила, не находя выхода, постепенно разрушаетъ держателя; много отсюда физическихъ и душевныхъ недугованій.

Представьте, что вы — учитель. Въ вашемъ классѣ есть слабый ученикъ, который старается рѣшить данныя ему математическія задачи, но не можетъ. Вы ему помогли разъ, и два, и три. Если онъ воспользуется вашей помощью, вы ему будете помогать и дальше. Но, если онъ перестанетъ работать, возложивъ все надежды на васъ, врядъ ли вы станете рѣшать все его задачи. Какой толкъ? Я полагаю, что Богъ готовъ помогать каждому изъ насъ, готовъ дать намъ духа и силы. Но Онъ не будетъ рѣшать за насъ нашу жизненную задачу. Его воля въ томъ, *чтобы мы сами ее рѣшали.*

Поэтому смѣло говорю: Просите у Бога помощи, развивайте въ себѣ любовь, *развивайте въ себѣ энергію воли.* Безъ этого вы размякнете и пропадете.

Есть писатель Винэ, который утверждаетъ, что все добрыя намѣренія міра не стоятъ одного волевого рѣшенія сдѣлать добро. Другой писатель, Эрбэ, пишетъ, что энергія воли увеличивается черезъ упражненіе. И какъ онъ правъ! Мы должны развивать въ себѣ энергію воли. Мы должны бороться со зломъ, и въ себѣ, и въ мірѣ.

— А какъ же. — возразилъ я, — сказано въ Евангеліи: «Не противься злomu»?

— Это вы все насчетъ непротивленія? — удивился Петръ Иванычъ. — Вы знаете, что по-славянски значить «не противься»? — это значить: не противъ себя. Т. е. если Богу было угодно испытать своего раба терпѣніемъ. — вы должны, ради Бога, перенести всё, нанесенныя вамъ лично, обиды, простить и не мстить. Но какъ можете вы прощать чужія обиды? Если вы — сильный мужчина, идя по лѣсу, увидите, какъ разбойники мучаютъ и убиваютъ женщину, и пройдетъ мимо, сказавъ разбойникамъ: «Я вамъ прощаю». — то на Страшномъ Судѣ, на жалобу убитой женщины, Господь врядъ ли вамъ скажетъ: «Хорошо, добрый и вѣрный рабъ!» Разбойники грабятъ нашу Родину, развращаютъ молодежь, мучаютъ и убиваютъ стариковъ и дѣтей, пасируютъ женщинъ, уничтожаютъ самое имя Россіи, разоряютъ церкви. И я долженъ по вашему имъ простить и не мѣшать? Простить можетъ только Богъ. *Простить свои обиды я долженъ. Но помѣшать злу я обязанъ.* Это мой долгъ спасать Родину и защищать тѣхъ, которые сами защищаться не могутъ. Если на вашу мать нападутъ разбойники, неужели вы ее не станете защищать? Родина — ваша мать. Нѣтъ силъ бороться? Откройте окно и кричите о помощи.

Когда мучили Христа. Онъ все терпѣлъ и молчалъ. Но разъ, увидѣвши оскверненіе храма. Онъ взялъ веревку и изгналъ изъ него торгующихъ. Христось во всю Свою земную жизнь боролся со зломъ, обличалъ лицемеровъ, изгонялъ бѣсовъ и, наконецъ, окончательно побѣдилъ адъ и смерть крестными страданіями и великимъ воскресеніемъ.

Если въ ваше отсутствіе вашъ слуга простить долгъ принесшему вамъ обратно деньги должнику, врядъ ли вы его похвалите. И Богъ не похвалитъ васъ за произвольное прощеніе чужихъ грѣховъ. Нѣтъ, бороться со зломъ — необходимо.

— Но какъ? — спросилъ я.

— Нужно бороться со всѣмъ. — сказалъ Петръ Иванычъ. — что противится нравственному закону, будь то своя или чужая злая воля, свои или чужіе злыя слова или поступки. Свою злую волю нужно пресѣкать внутри себя — въ своихъ чувствахъ: не разрѣшать имъ принимать дурное направленіе и развивать противоположныя чувства. Свои злыя слова или

дѣйствія — уничтожать обратнымъ словомъ или дѣйствиємъ, какъ бы это ни было неприятно. Въ борьбѣ же со зломъ въ мѣрѣ, помните, что осуждать нужно *не злобныхъ*, а *зло*. Судить злобныхъ будетъ Богъ. А вы часто и не знаете, почему человекъ впадаетъ въ такое состояніе. Сами можемъ упасть. Но мѣшать злему дѣлу надо всюду, гдѣ только представится возможность. И мѣшать можно двояко: во-первыхъ, препятствовать злобымъ людямъ дѣйствиємъ, словомъ, кто чѣмъ можетъ; во-вторыхъ, стараться распространять вокругъ себя какъ можно больше добра всѣмъ несчастнымъ и требующимъ помощи, не упуская ни одного случая. Отличать же зло отъ добра слѣдуетъ не съ личной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія нравственнаго закона и совѣсти. Горе тому, кто станетъ пресѣкать зло, *руководствуясь завистью, расчетомъ, партійностью или чьмъ-либо подобнымъ*. Онъ рано или поздно понесетъ отвѣтственность за свой поступокъ. Это неизбежный нравственный законъ . . .

На этомъ разговоръ оборвался. Мы подходили къ дому. Наскоро закусивъ, я слѣпшилъ на станцію; мнѣ нужно было не меньше часа, чтобы спуститься съ горы до желѣзной дороги. Съ грустью прощался я со старикомъ. Онъ не рѣшился разстаться со мною у порога и пошелъ проводить меня до перекрестка дорогъ. Тамъ, сколо придорожного распятія, осѣненнаго сѣнями, мы простились.

— Пишите мнѣ. — сказалъ старикъ. — и пріѣзжайте снова. Позвольте на прощанье сказать вамъ слѣдующее: любите, вѣруйте, надѣйтесь и будьте сильны. Какъ сильный человекъ, будьте терпимы къ чужому мнѣнію, — *только слабость нестерпима*. И помните, что *никого, ничего и никогда не заставили полюбить насильно*.

Храни васъ Богъ, — закончилъ Петръ Ивановичъ. И мы разстались. Когда я дошелъ до послѣдняго поворота, за которымъ уже скрывалось плоскогорье, я еще разъ оглянулся. Старикъ все еще стоялъ у распятія и махалъ шляпой. Такъ онъ и запечатлѣлся въ моей памяти: на фонѣ Русскаго словаго лѣса и у подножія Креста. Родина и Сила.

Графъ Г. А. Шереметевъ.

ПЛЯСКА ОПУСТОШЕННЫХЪ ДУШЪ.

Во всѣхъ концахъ земного шара подъ завывающіе и трескучіе звуки джэзъ-банда, утромъ, днемъ и вечеромъ, въ бальныхъ залахъ, въ кафэ и на улицахъ — пляшутъ люди до изнеможения, выплясывая изъ себя, изъ своей души негритапскую судорогу. Молодые дѣвушки въ бальныхъ платьяхъ и юнионы въ строгихъ, черныхъ костюмахъ, съ благословенія и одобренія родителей производятъ въ теченіе многихъ часовъ подъ рядъ совершенно неприличныя движенія; и это *однообразіе* механичность и, главное *хладнокровная неутомимость* этихъ непристойныхъ движеній—производитъ странное, даже жуткое впечатлѣніе. «И непонятно, и стыдно стороннему глазу: будто разсыпалась крѣпкая стѣла и выпало, обнаружилось, разлилось по равнодушно холоднымъ улицамъ сокровенное, тайное, о чемъ молчатъ» *). Будто стыдъ отжилъ и безстыдство сиравляеть свой праздникъ.

Итъ такой вени, къ которой не могъ бы привыкнуть чело-вѣкъ. И къ зрѣлицу непристойныхъ движеній, размѣренныхъ судорожнымъ ритмомъ, современное чело-вѣчество постепенно привыкаетъ. И какъ быстро заразила эта болѣзнь весь міръ! Съ какой неутомимостью отдается молодежь (да развѣ одна молодежь?) этому увлеченію! Какова бы ни была художественная программа вечера, если послѣ нея ожидаются «танцы», молодежь смотреть и слушаетъ все съ холоднымъ невниманіемъ, а иногда даже со скукой и враждебностью — скорѣй бы кончилось и начались бы «танцы» . . . Искусство не утѣшаетъ и не радуеть современную — больную и опустошенную душу. Но именно поэтому ея *танецъ перестаетъ быть искусствомъ* и становится чѣмъ то среднимъ между болѣзнью и развратомъ.

На самомъ дѣлѣ танецъ совсѣмъ не есть незначительное дѣло или пустое занятіе. По существу своему онъ есть *искус-*

---

*) Слова писателя Дигирова, записавшаго свое впечатлѣніе отъ новыхъ танцевъ.

ство; а по своимъ историческимъ и духовнымъ истокамъ — онъ есть *священный обрядъ*. По слову греческаго писателя Лукіана — «пляска доставляетъ не только наслажденіе; она воспитываетъ, обучаетъ и обнаруживаетъ общую красоту души и тѣла». «Пляска вмѣстѣ съ музыкой и поэзіею образуетъ хороволь живого искусства», пишетъ Вагнеръ. И развѣ они оба не правы?

Танецъ продѣлалъ сложный историческій путь. Его древнѣйшая форма — пляска первобытныхъ язычниковъ вокругъ деревяннаго идола ради отогнанія и умилоствленія демоновъ. У многихъ народовъ мы видимъ круговращательные танцы вокругъ жертвеннаго костра (символика солнца). Культъ древесныхъ духовъ и символика древа міра находили свое проявленіе въ пляскѣ вокругъ дерева. На той же символикѣ круговращенія основаны и русскій хороводъ, и спартацкій хормосъ, и славянское коло и нѣмецкій обычай танцовать вокругъ положеннаго на холмѣ колеса. Такъ, древній танецъ знаменовалъ собою священное единеніе съ міромъ и съ Божествомъ.

И въ суровыя времена средневѣковья танцы были принадлежностью церковнаго ритуала. Танцы исполняются иногда и теперь въ Севильскомъ соборѣ, въ Испаніи. Ритуальный танецъ практикуется и въ нѣкоторыхъ сектантскихъ ученіяхъ, напр. въ хлыстовщинѣ; и, думая объ этомъ, невольно вспоминаешь и дервишен. и буддійскихъ монаховъ. и священную пляску шамановъ. Всего не перечести.

Самыя сильныя и глубокія чувства свои, самыя страстныя желанія, мечты, страхи и вожелѣнія, для которыхъ *нѣтъ словъ* и *звуки недостаточны* — человѣкъ всегда выражалъ въ танцѣ; ибо танецъ, минуя сознаніе, изливается прямо изъ бессознательнаго, знаменуя то молитву, то подземное кипѣніе страстей. Вотъ почему мы встрѣчаемся съ танцемъ въ мрачную эпоху «черной смерти», когда во время и послѣ свирѣпствовавшей чумы народъ пытался танцемъ отвратить бѣдствие, изжить свои страхи и забыться во что бы то ни стало; отсюда съ одной стороны связь тогдашняго танца съ религіозно-покаянными бичеваніями. съ другой стороны — его неистовая, судорожная форма. превратившая его постепенно въ сущую эпидемію (такъ называемая «Пляска святого Вита»). Предшествуемая музыкантами. изъ сета въ село. изъ города въ городъ, шли толпы людей. неся съ собою заразу танцующей судороги;

неистовая музыка. неистовый ритмъ и дергающіеся, кружащіеся, скачущіе люди. съ затынутыми поясами*), съ остановившимися. вытаращенными глазами, съ пѣною у рта, — до истощенія, до обморока. А потомъ отправлялись дальше.

Ясно. что танцы бываютъ здоровые и больные; *оздоравлиющіе* душу въ своемъ естественномъ, пластическомъ выраженіи радости, печали и молитвы; и *разлагающіе*, развинчивающіе человѣческую душу. Я часто наблюдала, какъ у дѣтей подъ вліяніемъ какого нибудь бурнаго настроенія появляется импровизированная пляска. ими самими тутъ же составляемая для выраженія внезапно нахлынувшихъ чувствъ. И у дѣтей. и у взрослыхъ тѣло, въ своей мощной мимикѣ, воплощаетъ и радость. и смерть, и молитву, и отчаяніе — и само становится въ танцѣ то живымъ іероглифомъ духа, то *орудіемъ саморазружденія*.

Народные и характерные танцы создаются въ долгой, исторической, географической и этнографической эволюціи — духомъ цѣлаго народа. Такъ новозеландцы и индѣйцы приближаются къ танцамъ для воинственнаго возбужденія толпы: танцы исполняются съ оружіемъ въ рукахъ, съ дикими криками и страшными гримасами. Испанская пляска изобилуетъ рѣзкими, угловатыми движеніями. изломанными линіями: стиль этой пляски — ягучій, лихорадочный, полный душевнаго зноя, родившагося подъ южнымъ, горячимъ солнцемъ...

А въ нашей родной русской пляскѣ — все богатство нашей души и нашего легкаго, свободного, искренняго темперамента: начиная отъ элегическаго лиризма и пѣвучей плавности, и кончая самой лихой, отчаянной удалью. Однако пѣтъ въ нашей національной пляскѣ — *безстыдства* **); а потому нѣтъ и *безформности*. Нашъ танецъ всегда скромень, цѣломудренъ и оформленъ — даже въ бурномъ веселіи и въ задыхающемся ритмѣ; и его побѣдное шествіе по Европѣ въ художественной обработкѣ Даргомыжскаго, Сѣрова, Чайковскаго и другихъ — создаетъ волну сущаго оздоровленія. О немъ писалъ Марсель Прево: «онъ снова является къ намъ съ сѣвера. блестящій,

*) Для того, чтобы сдвинуть внутренности.

***) Вопреки мнѣнію мопсвиюра д'Эрбинья («L'âme religieuse des russes»), слывущаго въ католическомъ мірѣ «знатокомъ» Россіи, на самомъ же дѣлѣ сочетающаго наивную несвѣдомленность въ русской культурѣ съ презрительною враждою ко всему русскому. Отсюда между прочимъ и его сужденіе о «исприлчии» русскаго національнаго танца. *Примѣчаніе редакціи.*

сверкающій, какъ даргоцѣнный камень, брызжущій свѣтомъ и гармоніей». А Камилль Мокларъ отмѣчалъ: «кажущійся примитивизмъ этого танца затмѣваетъ модернизмъ, точный до близрукости». Но лучше всего почувствовать и передать красоту нашей пляски Красновъ (въ романѣ «Съ нами Богъ»): «Это было свое, родное, Русское . . . Полетѣла, поплыла, понеслась непостижимая, зовущая, цѣломудренная, страстная, стыдливая и здоровая, безъ вина пьянящая Русская пляска . . .» Именно — стыдливая и цѣломудренная, и въ движеніяхъ, и въ ритмахъ, и въ одеждѣ; въ противоположность современнымъ «танцамъ» и «танцорамъ», окончательно забывшимъ о томъ, что есть нѣчто, что *цѣлннѣе разоблаченнаго реализма жизни: это мечта и стремленіе къ красотѣ*. И настоящій танецъ выражаетъ *мечту о любви*, которая всегда прекраснѣе любви: такъ, какъ стремленіе всегда лучше достиженія. А въ современномъ танцѣ нѣтъ мечты и не найдешь красоты.

Современные танцы — не искусство. Они не созданы тѣми народами бѣлой расы, которые ими нынѣ столь болѣзненно увлекаются. Они чужды имъ, ихъ духу и ихъ культурѣ. Жестъ и ритмъ этихъ танцевъ проникъ къ намъ, въ наши души отъ негровъ или отъ австралійскихъ дикарей и охватилъ все страны на подобіе эпидеміи. Въ частности чарльстонъ есть нѣсколько видоизмѣненный танецъ австралійскихъ туземцевъ, такъ называемый «корробори»: мужское «корробори» имѣетъ воинственный характеръ, а женское — сладострастный: оно исполняется передъ линіей танцоровъ-мужчинъ для возбужденія ихъ страсти. Заимствовавъ эти танцы, бѣлая раса эстетически и духовно *подчинилась черной*. И напрасно думать, что это увлеченіе — невинное и пройдетъ безъ послѣдствій. Танцующій эти «танцы» — не только выплясываетъ *изъ* себя, изъ своей души овладѣвшій ею негритянской миѣю и негритянскую сладострастную судорогу, но онъ въ то же время и *наплясываетъ ихъ себѣ въ душу*. Это не только *разрядъ* національно и духовно опустошенной души, но и *зарядъ* ея новымъ и чуждымъ ей укладомъ. И тамъ, гдѣ танцы бѣлой расы выражали живущія въ ней здоровыя и культурныя состоянія души (почтительность, скромность, галантность, радость, рѣшительность и лихость, напр. въ мазуркѣ), — современные «джимми», «танго», «чарльстонъ» и т. д. ничего не выражаютъ, кромѣ сладострастнаго обезьянства. И танцующіе эти «танцы»

различаются только въ томъ, что одни изъ нихъ (пустые) только еще *наплясываютъ это обезьянство себѣ въ душу*, воспроизводя до одурѣнія эти неприличные жесты, а другіе (уже заряженные имъ) безстыдно *выплясываютъ его изъ себя* . . .

Въ эволюціи европейскихъ танцевъ отразилась эволюція общаго европейскаго міровоззрѣнія. И можетъ быть въ модныхъ танцахъ ярче, чѣмъ въ чемъ либо другомъ, проявился характерный для всей нашей современности и особенно для современнаго искусства уклонъ къ первобытному разпузданію страстей, къ звѣроподобному состоянію, къ разложенію духа и воли, къ какому то утонченному смакованію грубаго безстыдства. Словомъ — къ *духовному большевизму*.

Я знаю, что большевики «запретили» современные танцы. Неслыханные лицемѣры, уничтожившіе въ Россіи милліоны людей, они протестуютъ противъ единичныхъ случаевъ смертной казни; и замѣнивъ танцство брака животнымъ дѣйствомъ, насаждая развратъ и вспитывая въ немъ молодежь, они запрещаютъ современные «танцы», чтобы прослыть республиканскими пуританами . . . Но главный мотивъ ихъ запрета, конечно, не въ этомъ. Имъ *не нужны* современные «танцы»: то разложеніе и безстыдство, которымъ эти танцы насыщены, они *уже осуществили и продолжаютъ дѣлать въ серьезъ*. Систематически пробуждая и насаждая звѣриное въ людяхъ, убивая божественное начало въ человѣкѣ, они *берегутъ накопленную обезьянью энергію для революціонной «политики» и потому запрещаютъ ея растрату*. И если современные танцы являются пляской звѣроподобныхъ людей, то въ совѣтской странѣ происходитъ въ настоящее время такой же танецъ, но только со свирѣлой серьезностью и доктринерскимъ ожесточеніемъ. Разпузданный и хулиганскій, онъ сотрясаетъ весь міръ и напоминаетъ собою и шабашъ вѣдьмъ и пляску смерти. И естественно, что эта пляска находитъ себѣ отраженіе и въ большевицкомъ искусствѣ, особенно въ поэзін.

Микробъ большевизма, развѣваемый по всему міру, дѣлаетъ свою разрушительную работу, опустошая, растлѣвая и убивая души. И изъ опустошенныхъ душъ вмѣсто прекраснаго искусства танца родится звѣроподобное кривлянье.

Екатерина Гаугъ.

I. БЕЗПРИЗОРНЫЯ ДѢТИ ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Безпризорныя дѣти несомнѣнно самое тревожное, самое тяжелое послѣдствіе большевицкаго владычества. Безпримѣрное и невиданное въ Европѣ, со времянь, вѣроятно, 30-лѣтней войны, явленіе безпризорныхъ дѣтей, какъ *особаго соціального класса*, какъ неизбѣжной принадлежности повседневнаго большевицкаго быта, является. быть можетъ, самымъ суровымъ осужденіемъ большевицкой власти, самымъ жестокимъ изобличеніемъ ея.

Вначалѣ большевики объясняли дѣтскую безпризорность какъ наслѣдіе «царизма» и капиталистическаго строя; цинично называли безпризорныхъ дѣтей «издержками соціальной революціи», «тѣми щепками, которыя летять, когда лѣсъ рубятъ». Но размѣры бѣдствія постепенно стали устрашать даже этихъ несмушающихся людей, и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ столбцы столичныхъ и провинціальныхъ газетъ были покрыты множествомъ статей, самыми заголовками свидѣтельствующихъ о непрекрашающейся остротѣ вопроса. «На помощь дѣтямъ», «Семь милліоновъ безпризорныхъ дѣтей погибаетъ», «Армія безпризорныхъ растетъ», «Пятно нашей жизни», «Дѣтская безпризорность — угроза общественной жизни» и т. д. и т. д. Число безпризорныхъ дѣтей по единодушному свидѣтельству всѣхъ занимавшихся этимъ вопросомъ, громадно. Надежда Крупская вдова Ленина, пишетъ въ «Московской Правдѣ» отъ 21 ноября 1924 года: «У насъ *семь милліоновъ* безпризорныхъ дѣтей зарегистрировано. Въ дѣтскихъ же домахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ ихъ въ лучшемъ случаѣ 800 тысячъ. Гдѣ же остальные? Мы мало думаемъ объ этомъ ужасномъ явленіи и еще меньше дѣлаемъ для ликвидаціи его. Неужели мы дѣйствительно такъ туны, что не можемъ найти иного средства, кромѣ звучащихъ насмѣшкой словъ: «маршъ къ родителямъ или въ дѣтскіе дома!» Вѣдь у этихъ дѣтей нѣтъ ни того, ни другого». У другихъ изслѣдователей этого вопроса мы встрѣчаемъ другія цифры. Такъ, д-ръ Василевскій въ своемъ сочиненіи «Голгофа ребенка» говоритъ о *двухъ милліонахъ сиротъ и четырехъ милліонахъ полусиротъ*. Встрѣчаемъ также цифры въ пять, четыре и три милліона. Числа постоянно расходятся, что объясняется какъ общей

неточностью, свойственной всёми большевицкимъ даннымъ, такъ и тѣмъ, что правительственные органы и частные авторы исходятъ изъ различнаго понятія безпризорности. Газета «Трудъ» даетъ слѣдующія данныя о социальномъ составѣ безпризорныхъ дѣтей. Согласно исчисленіямъ, помѣщеннымъ въ № 116 этой газеты, почти 75% безпризорныхъ дѣтей всего СССР — этой «крестьянско-рабочей республики» — были дѣтьми рабочихъ и крестьянъ, и процентъ этотъ въ 1926 году повысился сравнительно съ 1925 годомъ. Безпризорныхъ дѣтей рабочихъ въ 1925 г. было 29,3% всего числа, въ 1926 же году — этотъ процентъ достигъ уже 37,4%. Круглыхъ сиротъ въ общемъ числѣ безпризорныхъ было 67%, полусиротъ 27,5% и имѣющихъ обоихъ родителей 3,5%. По возрасту безпризорныя дѣти распредѣлялись такъ. Отъ 3 до 7 лѣтъ — 15%, отъ 8 до 13 лѣтъ — 57,1%, отъ 14 до 16 — 20,9% и старше этого возраста — отъ 6 до 7%.

Въ совѣтскихъ органахъ находимъ слѣдующія описанія жизни безпризорныхъ дѣтей. «Голодные, оборванные, дрожа отъ холода, бродятъ по нашимъ городамъ безпризорныя дѣти. Они сняты въ погребяхъ, въ общественныхъ уборныхъ, въ выгребныхъ ямахъ, подвалахъ, на чердакахъ, подъ вагонами. Ихъ гоняютъ отовсюду, толкаютъ, бьютъ. Ихъ лица раздѣлены цынгой, люпусомъ, тѣла покрыты ранами и нарывами. Многие изъ нихъ такъ обезсилены, что не могутъ даже просить милостыню». («Харьковскій Коммунистъ», 18. 5. 1926). «Безпризорныя дѣти — настоящая опасность на улицахъ нашихъ городовъ. Когда голодъ становится невыносимымъ, а милостыни имъ не подають, они начинаютъ красть, обманывать, грабить... Для болѣе успешнаго достиженія своихъ цѣлей безпризорныя объединяются въ шайки и постепенно становятся настоящими преступниками». («Правда», 21. 5. 1927). Преступность среди безпризорныхъ очень велика, и ростъ ея очень увеличивается. «Бандитизмъ принятъ у безпризорныхъ колоссальные размѣры». (Циркуляръ Нар. Ком. Юстиціи, № 36). Журналъ «Психіатрія и Неврологія» сообщаетъ, что преступность среди дѣтей въ Петербургѣ увеличилась по сравненію съ довоеннымъ временемъ въ 10 разъ. Состояніе здоровья ихъ крайне плохо. «Большинство изъ нихъ, — говоритъ тотъ же журналъ, — бо гѣеть заразными болѣзнями, какъ-то: туберкулезомъ, чесоткой и половыми болѣзнями». Московская «Правда» пишетъ въ № 46: «Достаточно взглянуть на отчеты комисси по дѣтскому вопросу, чтобы убѣдиться, что сифилисъ, гоноррея, кокаинизмъ, алкоголизмъ и противоестественные пороки со всеми ихъ постѣдствіями невѣроятно распространены среди безпризорныхъ». Докторъ Соломоновичъ опредѣляетъ число кокаионистовъ среди безпризорныхъ въ 40—60%.

До сихъ поръ, несмотря на все старанія совѣтской власти, не удалось «очистить» улицъ большихъ городовъ или хотя бы

только Москвы отъ безпризорныхъ. «Сколько разъ уже. — жалуется въ «Правдѣ» отъ 20. 5. 1927 Калинина, жена председателя СССР. — очищали улицы Москвы отъ безпризорныхъ, но они все тамъ. На каждомъ углу — это настоящій кошмаръ. И число бандъ все увеличивается. «Безпризорныя дѣти — одна изъ характернѣйшихъ чертъ городовъ совѣтской Россіи. Это настоящая бродячая Русь». («Трудъ», 22. 4. 1927).

Вначалѣ совѣтская власть старалась бороться съ безпризорностью и была преисполнена самыхъ розовыхъ надеждъ. «Въ совѣтской Россіи нѣтъ мѣста безпризорности, не должно быть дѣтенъ улицы» — писалъ журналъ «Соціалистическое Строительство», №№ 8 и 9 за 1919 г. «Въ совѣтской Россіи каждый ребенокъ имѣетъ право развиваться въ условіяхъ живого творчества и свободнаго труда». Осуществленіе этихъ задачъ было возложено на «Отдѣлъ соціально-правовой охраны несовершеннолѣтнихъ». По истеченіи 7 лѣтъ со времени организациі этого учрежденія Надежда Крупская пишетъ въ «Правдѣ», № 55, 1926, объ охранѣ безпризорныхъ, какъ о задачѣ, которую *еще предстоитъ* разрѣшить: «Необходимо, чтобы кто-то озаботился о томъ, чтобы ребята деревенской и городской бѣдноты не гибли отъ недостаточнаго питанія, не дрогли и не простужались. Нужна защита дѣтей отъ жестокаго обращенія, спаиванія и эксплуатаціи. Мы должны заботливо растить молодое поколѣніе, а у насъ это дѣло въ забросѣ». Согласно даннымъ, опубликованнымъ въ 1925 году (время наиболѣе широкаго развитія дѣятельности отдѣла Соціально-Правовой Охраны), въ вѣдѣніи его состояло 5 411 учреждений --- дѣтскихъ домовъ, колоній, городковъ, изоляторовъ и т. д., въ которыхъ содержалось свыше 600 000 человекъ. Основнымъ орудіемъ борьбы съ безпризорностью большевики считали «дѣтскіе дома». На эти учрежденія возлагались особыя надежды. Они должны были доказать, что общественный уходъ за дѣтьми даетъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ частныи индивидуальныи, ненаучныи и нераціональныи уходъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ любящихъ, но невѣжественныхъ родителей, не обладающихъ тѣми силами, средствами, способами и приспособленіями, какими обладаетъ организованное общество (Гойхбаргъ, «Брачное и семейное право въ совѣтской республикѣ»). Однако, Надежда Крупская такъ характеризуетъ дѣтскіе дома: «Въ дѣтскихъ домахъ воспитываются бандиты какіе-то. живутъ тамъ мало неженатые бездѣльники. лодырничаютъ, безобразничаютъ». («Правда», № 275, 1925 г.). Луначарскій въ отчетѣ своемъ пишетъ: «Дѣло въ нашихъ дѣтдомахъ обстоитъ очень плохо. Преподаваніе, поскольку оно вообще существуетъ, совершенно неудовлетворительно; практическая подготовка еще хуже. Хотя на содержаніе дѣтскихъ домовъ затрачиваются ежегодно громадныя суммы, большинство изъ нихъ находится въ крайне печальномъ состояніи.

Почти повсюду неудовлетворительное питаніе, недостаточная одежда, одна пара сапогъ приходится на 20 дѣтей, одно пальто на 10 дѣтей, одна кровать на двухъ-трехъ. Въ результатѣ этого переполющенія и антисанитарныхъ условій являются массовыя заболѣванія дѣтей различными заразными болѣзнями». (Отчетъ народнаго комиссара просвѣщенія за 1925 годъ, стр. 25—27). Въ рѣчи своей, произнесенной 14 апрѣля 1927 года на всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ, Луначарскій заявилъ: «Намъ нуженъ цѣлый рядъ дѣтъ борьбы для избавленія отъ бѣдствій безпризорности. Въ дѣтскихъ домахъ дѣти достигли 17—18-тилѣтняго возраста и мы не знали, что дѣлать съ ними. Они остались у насъ на рукахъ и можно было опасаться, что станутъ заключаться браки, а затѣмъ появятся на свѣтъ новое молодое поколѣніе, — пѣкое *коренное населеніе дѣтскихъ домовъ*». «Какихъ людей готовятъ намъ дѣтскіе дома? — способныхъ къ труду или лѣнтяевъ? — рабочихъ или паразитовъ? — спрашиваетъ комсомольская «Правда», отъ 22 января 1928 года.

Неудача съ дѣтскими домами побудила большевиковъ начать *сокращеніе ихъ дѣятельности*. На 1 января 1928 года докторъ Эпштейнъ опредѣляетъ число дѣтскихъ домовъ уже только въ 1852, и въ нихъ всего 160 250 дѣтей. Но жизнь въ этихъ учрежденіяхъ, описанная въ статьяхъ д-ра Эпштейна въ «Комсомольской Правдѣ», 22 и 24 января 1928 года, нисколько не улучшилась.

На смѣну дѣтскимъ домамъ явилась новая радикальная мѣра: раздача безпризорныхъ дѣтей въ обученіе отдѣльнымъ ремесленникамъ и кустарямъ. Такимъ образомъ, *было официально признано крушеніе теоріи о преимуществахъ коммунистическаго воспитанія и объ образованіи новаго человѣка*. Однако, и эта мѣра не дала желательныхъ результатовъ. И та же Надежда Крупская писала по этому поводу: «Не успѣли еще эту мѣру провести, отправить ребятъ по этану для распредѣленія по волостямъ, а уже въ газетахъ стали появляться описанія судебныхъ дѣлъ объ истязаніи дѣтей, взятыхъ на воспитаніе. Не организовавъ контроля, не отобравъ дѣтей ни по здоровью, ни по склонности, мы стремились къ одному: «разгрузить дѣтскіе дома». («Правда», № 275).

Такимъ образомъ борьба съ безпризорностью не дала *никакихъ результатовъ*. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя признанія занятыхъ борьбой съ безпризорностью лицъ. Такъ, Богуславскій пишетъ: «Характернымъ для современнаго положенія безпризорности является «стабильность» его (устойчивость), «вслѣдствіе этого грозитъ образованіе *постояннаго состава безпризорныхъ*». «Извѣстія» отъ 25 января 1928 года пишутъ: «Мѣстныя организаціи удалили съ улицъ множество безпризорныхъ дѣтей, и тѣмъ сильно уменьшили число этихъ бродячихъ существъ: несмотря на это, безпризор-

ность продолжаетъ быть массовымъ явленіемъ, бросающимся въ глаза каждому и требующимъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ».

Нѣмецкій писатель, недавно посѣтившій Россію, приходитъ къ заключенію, что только *ссылка, пулеметъ или отравы* являются рѣшительными средствами для ликвидаціи безпризорности. Такъ, по крайней мѣрѣ, по его заявленію, говорили ему *многіе представители советской власти*.

А. Бунге.

II. РУССКІЙ КОНЬ ПОДЪ ВЛАСТЬЮ СОВѢТОВЪ.

Судьба русскаго коневодства, процвѣтавшаго до революціи *), показательна для всей русской культуры за послѣдніе десять лѣтъ.

Къ сожалѣнію, приходится пользоваться статистическими данными почти исключительно изъ совѣтскихъ источниковъ, всегда имѣющихъ тенденцію прикрасить совѣтскую дѣйствительность.

«Въ составѣ статистическихъ органовъ совѣтской власти имѣются значительные кадры очень опытныхъ и научно высоко-квалифицированныхъ статистическихъ силъ. Несчастье однако, заключается въ томъ, что вся совѣтская статистика превращена въ служанку автократіи, что она работаетъ подгнетомъ чисто политическихъ заданий». (Талинъ: «Господинъ Урожай», «Совр. Зап.». XXVI). Это же авторитетно подтверждаетъ самъ товарищъ Каменевъ: «Въ С. С. С. Р. даже цифры втиснуты въ политическую борьбу».

По мнѣнію совѣтскаго экономиста Огановскаго въ 1925 г. въ Европейской и Азіатской Россіи, по сравненію съ 1916 годомъ (т. е. въ разгаръ войны послѣ, цѣлаго ряда поставокъ лошадей по военно-конской повинности)— не хватало 26,3% лошадей; въ концѣ же 1927 года Огановскій и народный комиссаръ земледѣлія Смирновъ пытаются доказать, что «контингентъ рабочихъ лошадей недовозстановленъ на 17,3%». Дѣйствительность же несомнѣнно гораздо безотраднѣе. Официальный обзоръ сельскаго хозяйства 1925 г. («Эк. Жизнь», 224—225) опредѣляетъ количество безлошадныхъ по всей Россіи въ 60%. По даннымъ «Бѣдноты» (27. XI. 1927 г.) въ одной лишь Р. С. Ф. С. Р. имѣлось въ 1926 г. 30,4% или 4,6 милліоновъ безлошадныхъ хозяйствъ. Въ Воронежской губ. 53% не имѣютъ вовсе рабочаго скота. По мнѣнію спецозвъ необходимо

*) См. мою статью «Россійское коннозаводство до революціи». «Русскій Колоколь» № 5.

въ одну Черноземную область ввозить ежегодно 100 000 лошадей!! На Украинѣ переписи 1922 и 1925 г.г. дали слѣдующія удручающія цифры:

	Безлош.	1 лош.	2 лош.
Въ 1922 г	39,9	34,6	25,5
„ 1925 г.	57,6	31,2	11,2

Замѣтимъ при этомъ, что въ прежнихъ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской лошадь мелка, малосильна и можетъ быть использована лишь въ парной упряжкѣ.

Итакъ, на Украинѣ 57% хозяйствъ не имѣютъ вовсе лошадей, коневодческіе дворы, т. е. имѣющіе 3 и болѣе лошадей исчезли и *положеніе идетъ къ худшему, а не улучшается*. Еще хуже обстоитъ на Дону, гдѣ въ 1920 году совѣтская власть получила въ наслѣдіе 1 миллионъ 200 тысячъ головъ лошадей, а въ 1925 году ихъ числилось всего 110 тысячъ. За восьмилѣтнее хозяйничаніе коммунистическихъ совѣтовъ народилось небывалое еще явленіе — наличие *безлошадныхъ казачьихъ хозяйствъ*, достигшихъ по совѣтскимъ даннымъ 42%, а по свидѣтельству самого казачьяго населенія 70%. Между тѣмъ за 10 лѣтъ съ 1907—1917 г. г. несмотря на войну, количество лошадей увеличилось на 650 400 головъ. На Сѣверномъ Кавказѣ, по даннымъ краевого исполкома, въ 1925 году имѣлось 50% лошадей довоеннаго времени. У киргизовъ Уральской губерніи, по свидѣтельству коммуниста, совѣтскаго чиновника Шаги-Ахметова, убыло за послѣдніе 10 лѣтъ 66% лошадей и 58% верблюдовъ. Въ Челябинскомъ уѣздѣ, сравнительно съ 1916 годомъ, по сообщенію члена комиссіи Наркомзема, коммуниста Савченко, осталось въ 1924 году 64% лошадей, вслѣдствіе чего площадь посѣва сократилась на 50%. Одной изъ многихъ причинъ недостатка лошадей, благодаря которому не могъ быть использованъ огромный запасъ рядовыхъ сѣялокъ, имѣвшихся на организованныхъ прокатныхъ пунктахъ.

Естественно возникаетъ вопросъ, какъ это удалось довести русское коневодство до такого уровня?

«Черный передѣлъ» земель, давно задуманный социалистами-революціонерами и осуществленный, по ихъ рецепту, большевиками въ 1917/19 г. г., имѣлъ ближайшимъ результатомъ не только гибель культурнаго помѣстнаго землевладѣнія и связаннаго съ нимъ коннозаводства, но и разореніе отъ 4 до 5 миллионъ крѣпкихъ крестьянскихъ и казачьихъ хозяйствъ. «Въ порядкѣ внутрикредьянскаго перераспредѣленія у этихъ болѣе обезпеченныхъ группъ было изъято около 50 миллионоръ гектаровъ», утверждаетъ бывшій народный комиссаръ земледѣлія, А. П. Смирновъ. Съ весны 1918 года начались своеобразные коммунистическіе опыты въ крестьянскихъ хозяйствахъ: всемогущіе «комитеты бѣдности» забрали у имѣвшихъ нѣскольکو лошадей крестьянъ избыточное противъ минимальной по-

требности количество и передали начинающим собственное хозяйство, беспосѣвнымъ и малосѣвающимъ. Перѣдко такія «перегруппировки» лошадей происходили сразу въ масштабѣ цѣлаго ряда уѣздовъ, напр. въ Тверской губерніи. Можно себѣ представить какъ гибли несчастныя лошади поваливше отъ хозяйственныхъ крестьянъ перѣдко въ руки всевозможныхъ хулигановъ, крестьянъ лишь по паспорту, выгнанныхъ изъ столицъ безработицей и голодомъ! Затѣмъ голодь 1920/21 г. г. и безкормица чрезвычайно неблагоприятно отразились на конскомъ составѣ губерній Тульской, Рязанской, Тамбовской, Нижегородской. По свидѣтельству иностраннаго наблюдателя (Leites, „Recent Economic Developments in Russia“ 1922) лошади продавались за 1½ фунта соли и 3 коробки спичекъ, а потребление конины было въ большемъ ходу не только въ городахъ, но и въ селахъ. Даже въ государственномъ Починковскомъ заводѣ Нижегородской губерніи много цѣнныхъ лошадей иностранныхъ тяжеловозныхъ породъ пало отъ истощенія. Лучшимъ доказательствомъ того, насколько оскудѣла Россія количественно и качественно, служатъ ежегодныя покупки ремонтныхъ кавалерійскихъ лошадей въ Восточной Пруссіи и Венгріи. За артиллерійскими лошадьми пришлось два раза посылать комиссіи въ Канаду!

Основныя причины современнаго плачевнаго состоянія коневодства въ Россіи можно было бы формулировать такъ.

1. Чрезвычайный недостатокъ породистыхъ случныхъ жеребцовъ, какъ результатъ сокращенія государственныхъ и разгромъ частныхъ конскихъ заводовъ.

2. Уничтоженіе большинства крестьянскихъ коневодческихъ хозяйствъ.

3. Развалъ земской ветеринаріи и отсутствіе планомерной борьбы съ эпизоотіями (сапъ, сибирская язва). Въ Псковской губерніи, прежде очень благополучной въ ветеринарномъ отношеніи, за 9 мѣсяцевъ 1926 г. пало 18 660 головъ домашнихъ животныхъ.

4. Убыль молодняка, отъ расплодившихся въ огромномъ количествѣ волковъ, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ они давно перестали появляться. Обезоруженное населеніе совершенно беззащитно.

5. Чрезвычайное развитіе конокрадства, перѣдко сопровождаемаго убійствами. Борьба съ этимъ зломъ крестьянамъ не под силу, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ милиція подозрѣвается въ соучастіи съ злоумышленниками.

6. Невозможность въ трудовомъ, «карликовомъ», зерновомъ хозяйствѣ, являющемся теперь преобладающимъ во многихъ губерніяхъ, содержать лошадей при отсутствіи посторонняго заработка.

Въ Западной Европѣ, мелкія хозяйства, неимѣющія возможности содержать лошадь, замѣняютъ ее коровой. Въ Россіи пре-

пятствуютъ этому глубокой снѣгъ, весенняя и осенняя распутицы, длиннопоземелье, большія разстоянія. Лошадь нужна не только для сельскохозяйственныхъ работъ, но и для поѣздокъ въ городъ, волость, на ярмарку. Въ западно-европейской деревнѣ для этихъ цѣлей лошадь въ значительной степени замѣняется велосипедомъ, но и это при русскихъ условіяхъ невозможно. Съ уничтоженіемъ частновладѣльческихъ хозяйствъ крестьяне наиболѣе густонаселенныхъ земледѣльческихъ губерній, отъ западной границы до Волги, лишились обычнаго заработка. Въ былое время ихъ лошади большую часть года работали внѣ своего хозяйства. Даже въ наиболѣе обезпеченныхъ инвентаремъ имѣніяхъ доставка сельскохозяйственныхъ продуктовъ на станціи и пристани, свеклы и картофеля на заводы, также часто нѣкоторыя полевые работы (возка сноповъ, вывозка навоза), производились крестьянскими подводами. Теперь же, получивъ ничтожную прибавку земли, крестьянство лишилось привычныхъ заработковъ и не приобрѣло новыхъ. Газета «Правда» въ № 76, 1924 г., писала: «до революціи крестьянство главнымъ образомъ производящей полосы, получало отъ заработковъ у крупныхъ землевладѣльцевъ *одинъ миллиардъ рублей*. Въ настоящее время, съ ликвидаціей крупнаго землевладѣнія этихъ заработковъ нѣтъ». Добавимъ съ своей стороны, что не менѣе 60% этой суммы падало на оплату гужевыхъ перевозокъ.

Бывшій комиссаръ земледѣлія Клименко, характеризуетъ положеніе крестьянства какъ «тяжелое», т. к. основа интенсификаціи сельскаго хозяйства, сельскохозяйственная промышленность (главнымъ образомъ свеклосахарная и винокуренная) на 50% разрушена («Коммунистъ», 12 дек. 1924 г.). Между тѣмъ именно свеклосахарная промышленность предъявляла наибольшія требованія къ гужевому транспорту. Осенью къ перевозкѣ свеклы привлекались не только всѣ мѣстные подводы, но также цѣлые таборы изъ другихъ губерній, нерѣдко за 150—200 верстъ (напр., изъ Обоянскаго уѣзда Курской на югъ Полтавской). Для заводовъ, расположенныхъ вдали отъ желѣзной дороги, а такихъ не мало, крестьянскія лошади въ теченіе круглаго года перевозили на станцію и обратно сотни тысячъ пудовъ сахара, патоки, мѣла, каменнаго угля; цѣлые волости жили извозомъ. Теперь же производство сахара сократилось въ видахъ экономіи (главнымъ образомъ, за счетъ бездѣйствующихъ заводовъ, отдаленныхъ отъ желѣзной дороги), результатомъ чего явилось обращеніе многолошадныхъ дворовъ въ безлошадные. Для черпоземнаго крестьянина получается заколдованный кругъ: содержаніе даже одной лошади на 2—4 десятинахъ не оправдывается, а чтобы вспахать ихъ, какъ слѣдуетъ, плугомъ, нужна четверка! Одной изъ главныхъ причинъ общеизвѣстной большой урожайности экономиче-

скихъ поѣздовъ была, сравнительно съ крестьянскими, болѣе глубокая вспашка.

Объяснять печальное состояніе коневодства въ Россіи «наслѣдіемъ проклятаго царизма» и послѣдствіями войнъ великой и гражданской, какъ это склонны дѣлать большевики,—совершенно нелѣзно. Читателямъ «Русскаго Колокола» извѣстно, какъ богата была лошадьми Россійская Имперія; коневодство же другихъ государствъ, тоже пострадавшихъ отъ войны и ея послѣдствій, но избѣгшихъ коммунизма, съ изумительной быстротой возстановило свой конскій составъ. Такъ въ Италіи, Бельгіи и Польшѣ уже въ 1925 году было столько-же лошадей какъ въ 1913 году. Франція, потерявшая съ 1913 по 1918 годъ свыше 1 милліона головъ, быстро залѣчиваетъ свои раны и въ настоящее время вѣроятно уже достигла довоеннаго уровня. Въ Германіи, несмотря на выдачу въ 1920—23 годахъ 400 тысячъ лошадей союзнымъ государствамъ, согласно условіямъ Версальскаго мира, все же въ 1925 году ихъ насчитывалось на 100 тысячъ больше, чѣмъ въ 1913 году. Также самое наблюдается въ Швейцаріи, Канадѣ, Аргентинѣ. Широко распространенное послѣ войны мнѣніе, что лошадь архаична и не можетъ соперничать съ механическими двигателями, оказалось столь же невѣрно, какъ аналогичныя предсказанія, сдѣланныя въ первой половинѣ прошлаго вѣка, въ связи съ постройкой желѣзныхъ дорогъ. Въ городахъ лошадь успешно борется съ грузовиками. Опытъ показалъ, что для перевозокъ на короткія разстоянія, съ частыми остановками, «овсяной двигатель» выигрываетъ бензиннаго (уголь, пиво, молоко, хлѣбъ). Въ Лондонѣ и Мюнхенѣ пивоваренные заводы возвращаются къ лошадямъ. Въ Бостонѣ одна угольная фирма въ 1926 г. замѣнила грузовики 5 656 лошадьми; въ Нью-Йоркѣ, самомъ большемъ 9-милліонномъ городѣ міра, 73% перевозокъ производится лошадьми; въ Берлинѣ ихъ числится 45 тысячъ; городское управленіе Филадельфій содержитъ 1 737 лошадей.

Главной же причиной увеличенія количества лошадей является требованіе на нихъ со стороны сельскаго хозяйства. Вслѣдствіе повсемѣтнаго вздорожанія рабочихъ рукъ, значительно возросло примѣненіе сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій (пропашники, конныя грабли, жнеи и т. п.), болѣе приспособленныхъ для конной, чѣмъ для воловьей тяги. Къ этому присоединилось разочарованіе въ моторной пахотѣ, оказавшейся не всегда выгодной для крупнаго землевладѣнія и совершенно непримѣнимой для мелкаго. Такъ въ Германіи въ хозяйствахъ менѣе 50 гектаровъ, составляющихъ 73% сельскохозяйственной площади, они не имѣютъ никакого значенія. Совѣтская «тракторизація сельскаго хозяйства» потерпѣла полную неудачу. Въ засѣданіи В. Ц. И. К. XIII созыва председатель Автономной Сов. Соц. Республики нѣмцевъ Поволжья,

Куриць, сообщилъ, что наличность 625 тракторовъ, вопреки расчетамъ, не восполнила потерю 54% лошадей и 47% рабочаго скота, вслѣдствіе чего получилось 240 тысячъ десятицѣ недосѣва. Потергѣлъ неудачу съ тракторами и самъ д-ръ Нансепъ, не побрезговавшій взять концессию на большія имѣнія въ Саратовской губерніи и Поволжья. Въ журналѣ «Наксъ» онъ разсказалъ, какъ вмѣсто ожидаемыхъ доходовъ, онъ потерялъ 120 тысячъ шведскихъ кронъ (Нобелевская премія) и 107 тысячъ англійскихъ фунтовъ...

Таково, въ общихъ чертахъ, состояніе русскаго коневодства подъ властью совѣтовъ

Князь Н. Щербатовъ.

III. КАКЪ РАСПОЗНАВАТЬ ЛЮДЕЙ.

(Совѣты организаторамъ).

1. Организовывать людей значитъ распредѣлять между ними *полномочія и обязанности*, устанавливая для нихъ *единое и строго опредѣленное подчиненіе* и, главное, ставить *вѣрныхъ людей на подходящія для нихъ мѣста*. Отсюда уже ясно, что организаторъ долженъ очень хорошо разбираться въ людяхъ,—кто чего стоитъ и кому что можно поручить; онъ долженъ быть твердо увѣренъ въ томъ, что каждый изъ членовъ его организаціи а) искренно *хочетъ* сдѣлать свое дѣло; б) имѣть для этого необходимыя *силы и способности* (душевные и тѣлесныя, здоровье); в) умѣть *подчиняться и требовать*; г) *понять данную ему задачу*. Для всего этого необходимо прежде всего *научиться распознавать людей*; неумѣющій этого — будетъ дѣлать однѣ ошибки и губить дѣло.

2. Это особенно необходимо для нашей будущей дѣятельности въ Россіи, гдѣ мы найдемъ цѣлый кадръ людей закаленныхъ въ злобѣ, лжи и предательствѣ; множество людей съ раздавленными самочувствіемъ и сломленною волею; множество людей съ невоспитаннымъ и неукрѣпленнымъ характеромъ; и сравнительно незначительное меньшинство людей крѣпкихъ и вѣрныхъ. Ихъ надо будетъ безошибочно распознать, соединиться съ ними, создать единую организацію и крѣпко повести дѣло спасенія Россіи.

3. Чужая душа есть тайна. Нѣтъ никакихъ матеріальныхъ или разсудочныхъ мѣрилъ для ея механическаго измѣренія и опредѣленія. Но живая и проникательная интуиція можетъ получить въ видѣ подспорья рядъ цѣнныхъ указаній или правилъ; всѣ они даютъ только руководящую нить для душевно-моральнаго діагноза; ни одно изъ нихъ не самодовлѣюще, и

только всё вмѣстѣ они могутъ помочь вѣрному освѣщенію чужихъ «потемокъ». Но главное: *только доброкачественный человекъ можетъ опознать и установить чужую доброкачественность, ибо только у него имѣется живое мѣрило личной совѣсти.* Для злодѣя всё наши указанія безсильны и безплодны.

4. Каждый человекъ произвольно, отъ природы какъ бы «зашифрованъ» въ своемъ *тѣлѣ* и въ своихъ *поступкахъ*; и притомъ такъ, что въ нихъ прикровенно дана *вся* его душа. Надо научиться дешифровать ее.

Отсюда первое правило: для распознаванія человека *дѣло и тѣло значатъ больше, чѣмъ слово.*

а) Важнѣе всего *реальные поступки человека*, а въ поступкѣ важнѣе всего — его *намырненіе* (чего именно хотѣлъ) и *мотивъ* (почему хотѣлъ именно этого). Слова ясно освѣщаются и осмысливаются только лучами, идущими отъ поступковъ. Какъ бы «ярки» и «убѣдительны» ни были слова человека, не суди по нимъ окончательно, не зная его дѣлъ. Дѣла же человека узнаешь, только съѣвъ съ нимъ вмѣстѣ пудъ соли. Отсюда: во всякой организаціи неизбѣжна и необходима *извѣстная постепенность довѣрія*, какъ бы лѣстница пріобщенности. Мало-знаемому человеку поручай только ясное, маленькое и безвредное дѣло; и всегда съ провѣркою. Въ лишнее же не посвящай никогда никого.

б) Въ тѣлѣ человеческая душа *вся* скрыта и *вся* проявлена: въ строеніи головы, руки и ноги; въ выраженіи лица, въ глазахъ и смѣхѣ; въ пожатіи руки, въ почеркѣ и походкѣ. Нынѣ кое-что изъ этого уже изслѣдовано научно и установленныя обобщенія могутъ быть использованы. Но продумать ихъ, усвоить и затѣмъ примѣнять долженъ каждый самъ. Здѣсь можно дать лишь нѣкоторые намеки.

У каждаго лица есть свое преобладающее, устойчивое выраженіе. Какое? Какъ измѣняется оно (становится ли глупымъ, грубымъ, безвольнымъ, трусливымъ, жаднымъ, пошлымъ — или наоборотъ?) въ минуту гнѣва, испуга, неудачи, растерянности, наслажденія, торжества, смѣха. Достоевскій указываетъ на то, что черта, вносимая въ это выраженіе смѣхомъ, особенно существенна для души смѣющагося. — Научись различать глаза откровеннаго человека и скрытнаго, прямого и хитраго, призваннаго повѣловать и сломленнаго, вѣрнаго и предателя, добродушнаго и злого; глаза лживые, хищные, безжалостные, чувственные. — Научись замѣчать, что дѣлаетъ человекъ съ твоей рукой въ рукопожатіи: *беретъ* твою или скорѣе *даетъ* свою? коротко и опредѣлительно, или вяло, долго и нерѣшительно? даетъ ли одни свои пальцы или беретъ одни твои пальцы? жметъ или предоставляетъ жать? какъ бы желая что-то выразить или какъ бы желая что-то скрыть и ускользнуть? — и ты скоро начнешь увѣренно отличать безвольнаго,

цѣпкаго. жаднаго эгоиста, скрытнаго, лживаго, льстиваго, цѣломудреннаго и развратнаго. — Многое дасть тебѣ изслѣдованіе почерковъ. Здѣсь *все* имѣетъ свое значеніе — стояніе и паденіе буквъ, ихъ размѣръ, ихъ дописанность и недописанность, слабый и сильный нажимъ, перерывы между буквами, разстояніе между строчками, закрытость буквъ, завитки, обрывы, подчеркиванія и росчерки. Нужно только не фантазировать, а изучать, конить опытъ, вчувствоваться и провѣрять. Начиная же надо съ почерковъ хорошо извѣстныхъ тебѣ людей. — Научись замѣчать походку людей: легкомысленно-подпрыгивающую, безвольно-нмыгающую, категорически-ударяющую, мелко-сѣменящую, растерянно-оступающуюся, дѣловито-уравновѣшенную и т. д. Научись расцѣпывать манеры людей — то развязно-самоувѣренныя (иногда отъ большой застѣнчивости), то ковапо-сдержанныя, то хвастливо-рисующіяся, то льстиво-вкрадчивыя. Рядъ цѣннѣйшихъ указаній дасть тебѣ хирологія, т. е. научное изученіе руки (*не* хиромантія, т. е. гаданіе по рукѣ). И такъ далѣе. — Въ первомъ разговорѣ всегда сажай человѣка лицомъ къ свѣту и старайся больше узнать о немъ, чѣмъ сообщить о себѣ.

5. Прежде всего старайся установить *вѣрность* человѣка, т. е. его *искреннюю убѣжденность* и *стойкость въ убѣжденіи*.

Есть множество людей, вообще не способныхъ къ убѣжденію; имъ нѣтъ мѣста ни въ какой организаціи; они всегда побѣгутъ за силою или за выгодною, доказывая ея «правоту» и «общеплезность». Такихъ людей нетрудно узнать: они ко всему теплопрохладны; для нихъ все «условно» и «относительно»; они ни въ чемъ не цѣльны и не окончательны: зло ихъ не возмущаетъ: добру они сочувствуютъ только тогда, когда оно побѣждаетъ; они отличаются странною «терпимостью», которую сами охотно выдаютъ за «справедливость» и «многосторонность»; они любятъ «примирять» противоположности и охотно «разговариваютъ» съ людьми враждебныхъ лагерей: убѣжденные люди раздражаютъ и обижаютъ ихъ своею убѣжденностью: ихъ умъ лишень воли: ихъ чувство безпринципно: они не вѣрятъ ни во что и спѣшатъ «застраховаться» — и у Бога, и у дьявола.

Въ частности: не вѣрь аффектированнымъ людямъ, которые склонны проявлять больше чувства, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ (лгутъ и себѣ, и другимъ); избѣгай гомосексуальныхъ: ихъ духовный фарватеръ можетъ всегда измѣниться неожиданно для нихъ самихъ: всегда провѣрай, склоненъ ли человѣкъ иронически отнестись къ своей собственной святинѣ: полезно бываетъ мягко, но неожиданно поставить человѣку въ тобъ роковой вопросъ, пристально глядя ему въ глаза: полезно бываетъ дать почувствовать, что ты ему не очень вѣришь, и спокойно не обижая, но и не помогая, слѣдить *какъ* онъ выкарабкивается: полезно бываетъ спросить,

«что ты сдѣлаешь, если въ порядкѣ организаціи тебѣ прикажутъ совершить полезную гнусность?»

Помни: фальшивыи тоиъ можетъ обезсилить всякія клятвы и увѣренія; человекъ виденъ не въ душевномъ равновѣсіи, а въ страсти и въ волненіи; слушай человека своею *совѣстью* и вѣрь больше всего тѣмъ *осадкамъ*, которые всплывутъ въ твоей душѣ *по окончаніи* разговора.

6. Старайся установить *волевою силу* человека. Воля не вспышка и не порывъ; воля не цѣпкій и инертный инстинктъ. Воля есть способность — *убѣжденно, стойко и долго ломиться въ одну сторону, борясь съ препятствіями* *). Волевою человекъ всегда склоненъ къ наступленію; онъ всегда какъ будто заряженъ и прицѣливается; онъ обычно смотритъ въ будущее; если онъ пессимистъ, то пессимизмъ его не робокъ и не растерянь; если онъ оптимистъ, то оптимизмъ его скрывается за собою планъ дѣвствій; онъ скучаетъ съ безвольными людьми и слегка презираетъ ихъ.

Признаки безвольнаго человека: онъ не подчиняетъ себѣ обстоятельства, а приспосабливается къ нимъ, принимая ихъ за «событія» и всегда готовъ изогнуться и шмыгнуть подъ нихъ; онъ всегда склоненъ отложить непріятное дѣло и не берется за него съ самаго начала; онъ боится отвѣтственности и предпочитаетъ не брать ее на себя; онъ колеблется долго и бесплодно; въ сомнѣніи и въ трудную минуту онъ ищетъ *авторитета*. Такие люди нерѣдко чинятъ карандашъ не *отъ* себя, а *на* себя; не проталкиваютъ нитку въ иголку, а надѣваютъ иголку на нитку.

7. Старайся оцѣнить *умъ* человека и его *интуицію*.

Умъ есть начало *творческое*; поэтому у умнаго человека всегда *много своихъ мыслей*. Умъ есть способность къ *расплетанію* (анализу¹); поэтому умъ вноситъ во все ясность, точность и опредѣлительность. Умъ есть *сила сужденія* (синтез¹); поэтому онъ всегда ищетъ и находитъ вѣрныя объясненія и жизненные комбинаціи.

Однако умъ не самодовлѣющъ; безъ *интуиціи* онъ пустъ, слѣпъ и заносчивъ: вредный выдумщикъ и логическій фразеръ. Именно онытомъ и интуиціею человекъ *беретъ* предметы и реальную жизнь, предвидитъ и спасаетъ. Полу-интеллигентъ не понимаетъ этого и именно потому онъ впадаетъ въ разсудочность и въ теоретическій догматизмъ; онъ вѣритъ въ полу-науку и не вѣруетъ въ Бога.

Также точно — умъ безъ совѣсти циниченъ; умъ безъ вѣры пошлъ и растлѣвающъ; умъ безъ чувства сухъ, мертвъ и свирѣпъ; умъ безъ воли бесплоденъ и всеразлагающъ. Лишенный всего этого умъ оказывается *ограниченнымъ* и тупымъ, неспособнымъ по настоящему ни къ творчеству, ни къ расплетанію, ни къ сужденію.

*) См. мою статью «О политической работѣ» въ № 1 «Русскаго Колокола».

Признаки глупаго человѣка: онъ быстро удовлетворяется своимъ собственнымъ сужденіемъ; онъ не подозрѣваетъ предѣловъ своего ума и легко впадаетъ въ самодовольство; онъ переоцѣниваетъ свою интуицію и часто говоритъ общеизвѣстно; онъ не видитъ сложности и все упрощаетъ; ему все «очень просто», — онъ недалководивенъ, легкомысленъ и лишенъ чувства познавательной отвѣтственности; онъ не изобрѣтателенъ и слѣпо довѣрчивъ; въ сомнѣніи и въ трудную минуту онъ растеривается и ищетъ трафарета. Глухие бываютъ часто хитры. Хитрость не умъ, а суррогатъ ума; она есть инстинктивная изворотливость; отсюда ея неблагородство, ея безпринципность и интриганство. Настоящій умъ не интригуетъ; онъ слишкомъ ясенъ и благороденъ для интриги и слишкомъ уважаетъ себя. Поэтому интриганъ лишенъ настоящаго ума; онъ мелокъ, низокъ и ограниченъ.

Замѣтъ: человѣкъ съ оригинальнымъ и сильнымъ умомъ всегда создаетъ «свои» слова и формулы; человѣкъ съ хорошей интуиціей всегда отличаетъ *главное* отъ *неглавнаго* и потому говорить по существу, съ вѣрными и осмысленными интонаціями; человѣкъ много хвастающій и всѣ разговоры сводящій къ себѣ, имѣетъ слабую способность сужденія; резонеръ всегда ограниченъ, настоящая интеллигентность опредѣляется не памятью, не учеными словами, не апломбомъ, не велерѣчіемъ и не изворотливостью въ спорѣ, но способностью къ самостоятельному, зоркому наблюденію и анализу событій.

8. Человѣческую душу нельзя ни опредѣлить, ни исчерпать; но именно поэтому настоящій организаторъ долженъ непрерывно наблюдать за ея проявленіями, вникать, думать и обобщать.

Въ частности, выбирая энергичныхъ и дѣйственныхъ людей полезно имѣть въ виду слѣдующее:

сентиментальные люди часто бываютъ злобны и обыкновенно безвольны;

люди, таящіе свои чувства въ глубинѣ (аффективные), обычно бываютъ молчаливѣе, устойчивѣе и выдержаннѣе тѣхъ, которые бурно проявляютъ свои чувства (эмоціональные);

зарядъ активности бываетъ обыкновенно сильнѣе въ тѣхъ, кто *не изживаетъ* своего темперамента въ страстныхъ похижденіяхъ;

люди, художественно одаренные (особенно къ поэзіи, къ музыкѣ и къ живописи) менѣе приспособлены къ рѣшительному и безоглядному дѣйствию;

люди, мнительно относящіеся къ своему здоровью, не суть люди дѣйствія;

люди забывчивые и неаккуратные — болѣе страстны, менѣе уравновѣшены и потому менѣе пригодны къ долгой волевой борьбѣ;

лжець *на словахъ* — обманеть и предасть и *на дѣль*;
къ власти призваны не честолюбивые, а властолюбивые, но
и изъ нихъ не всѣ;

проталкивающійся впередъ всегда подозрителенъ, но это
не значитъ, что держащійся въ заднихъ рядахъ тѣмъ
самымъ заслуживаетъ довѣрія;

люди, затаивающіе обиды и накапливающіе «подпольныя»
чувства, не заслуживаютъ довѣрія и всегда чреваты
сюрпризами;

большая обидчивость и мстительность очень часто скрыва-
ютъ за собою ограниченность и даже глупость;

всегда спрашивай о человѣкѣ: «отъ чего онъ приходитъ въ
состояніе волненія или аффекта?» — и въ этомъ на-
правленіи ищи его главную движущую страсть. Страст-
ный игрокъ и пьяница всегда подлежатъ отводу.

Не суди о человѣкѣ окончательно, пока не узнаешь и не
ощуишь характера его жены (или возлюбленной).

9. И еще одно: не вѣрь въ окончательность и безошибоч-
ность твоихъ сужденій о людяхъ; всегда утончай и углубляй
свои наблюденія; всегда провѣряй свои сужденія чужими; будь
всегда готовъ признать свою ошибку; не позволяй подкупать
себя похвалою, лестью, вкрадчивостью или женскимъ кокет-
ствомъ; блюди нужную мѣру недоувѣрчивости, не позволяй
своей подозрительности стать чрезмѣрною и увести тебя въ ма-
нію преслѣдованія.

Старый Политикъ.

IV. О СИЛѢ ХАРАКТЕРА.

(ДЛЯ ПАМЯТИ).

Если древо не будетъ колеблемо, то оно крѣпкихъ корней
не пуститъ: въ затишьѣ деревья слабокоренны.

Льсковъ.

Кто хочетъ создавать въ мірѣ, тотъ пусть начинаетъ съ себя
самого; пусть онъ въ себѣ выработаетъ тѣ чистыя силы, изъ
которыхъ потомъ смогутъ расцвѣсти новый міръ и новая эпоха.

Прельвицъ.

Характеръ есть совершенно оформленная воля.

Новалицъ.

Превысокое владѣтельство — собою владѣть.

Русская пословица.

Нѣтъ положенія, котораго нельзя было бы облагородить творчествомъ и терпѣніемъ.

Гёте.

Будь господиномъ своей воли и слугою своей совѣсти.

Обнеръ-Эшенбахъ.

Человѣкъ, желающій служить правдѣ и справедливости, долженъ быть готовымъ остаться въ одиночествѣ.

Берсъе.

Сохранить чистоту и приобрести зрѣлость — вотъ труднѣйшее и высшее жизненное искусство.

Флексъ.

Нѣтъ ничего такого въ моральномъ мірѣ, что не удалось бы тебѣ, если только ты вложишь въ дѣло вѣрную и сильную волю.

Вильгельмъ Гумбольдтъ.

Послѣдній предѣлъ — естественность добродѣланія, когда законъ уже не лежитъ бременемъ.

Феофанъ Затворникъ.

Пусть человѣкъ дѣласть свое дѣло; результатъ же составляетъ предметъ заботы Иного Дѣятеля.

Карлейль.

Слушай свое сердце и что въ немъ простонетъ, про то и говори; а съ сорной земли сигающихъ на тебя блохъ—отрысай.

Льсковъ.

Хоропій человѣкъ, если только онъ послѣдователенъ и рѣшителенъ, сильнѣе, чѣмъ сто дурныхъ людей.

Фихте.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. О рыцарскомъ духѣ. Редакторъ.	3
2. Къ родной молодежи. І. Н. С. Шмелевъ.	8
3. О пріятіи міра. Н. А. Ильицъ.	13
4. Причина русской революціи. Д. В. Ненюковъ.	22
5. Великіе строители Россіи. 4. Митрополитъ Алексѣй. Н. И. Лаптевъ.	27
6. Причины неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. І. А. А. фонъ-Ламне.	37
7. Старческіе завѣты. П. Графъ Г. А. Шереметевъ	49
8. Пляска опустошенныхъ душъ Е. М. Гаугъ.	54
--	
I. Безпризорныя дѣти. А. И. Бунге.	59
II. Русскій конь подъ властью совѣтовъ. Князь Н. Б. Щербатовъ.	63
III. Какъ распознавать людей. Старый Политикъ.	68
IV. О силѣ характера.	73

Отъ Комитета по сбору средствъ на перевезеніе тѣла генерала Врангеля въ Бѣлградъ и на увѣковѣченіе его памяти.

Безвременная кончина генерала Врангеля вызвала глубокой и скорбной отзывъ въ русской средѣ. На насъ ложится долгъ — запечатлѣть, его духовный образъ, во всей его цѣлности, наша обязанность по отношенію къ грядущимъ русскимъ поколѣніямъ — изобразить со всею полнотою дѣятельность генерала Врангеля, какъ одного изъ самыхъ яркихъ вдохновителей и руководителей освободительнаго національнаго движенія въ страдную пору русской исторіи.

Проникнутый этою мыслью, Комитетъ задался цѣлью собрать всѣ данныя и матеріалы, освѣщающіе жизнь и дѣятельность генерала Врангеля. Матеріалы и данныя должны стать предметомъ бережнаго храненія; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ предположено, по мѣрѣ возможности, опубликовывать отдѣльными, доступными широкой публикѣ, выпусками. Комитетъ, по соглашенію съ образованнымъ въ Бѣлградѣ Комитетомъ по увѣковѣченію памяти ген. Врангеля, обращается съ призывомъ помочь въ осуществленіи этого начинанія и проситъ лицъ и учрежденія, которыя располагаютъ соответствующими данными, (печатный матеріалъ, рукописи, записки, автографы, фотографіи, личные воспоминанія и т. п.), предоставить ихъ въ распоряженіе Комитета.

Ближайшее завѣдывающее собираніемъ и опубликованіемъ матеріаловъ касающихся жизни и дѣятельности ген. Врангеля, передано члену Комитета генералу А. А. фонъ Лампе, которому и надлежитъ направлять матеріалы по адресу:

A. v. LAMPE, BERLIN W 15
Lietzenburger Strasse 43 IV, bei Waldau

Предсѣдатель Комитета: Ген.-Лейтен. Миллеръ

Парижъ, 2 іюня 1928 г.

A/S „SALAMANDRA“ Latvija, Riga, Bruninieku iela, 25

Издательство Акц. Общ. Печатного Дѣла „САЛАМАНДРА“
Художественный журналъ

„ ПЕРЕЗВОНЫ “

На дняхъ выходить
богато иллюстрированный № 41 журнала, посвященный Казачеству.
Красочныя и одноцвѣтныя репродукции со старинныхъ гравюръ.
Въ номерѣ: П. П. КРАСНОВЪ, ИВ. ЛУКАЦЪ, К. Д. БАЛЬМОНТЪ,
П. Г. БЕРЕЖАНСКИИ, П. П. МИШЕЕВЪ, П. ТУРОВАРОВЪ,
АРСЕНИИ ФОРМАКОВЪ. Цѣна 25 ам. центовъ.

При коллективной выпискѣ изъ издательства четырехъ экз., пятый экз. высылается безплатно. Въ виду отсутствія во многихъ странахъ контрагентовъ, издательство обращаетъ вниманіе гг. читателей на это условіе коллективной выписки.

Въ виду ограниченности экземпляровъ журнала за 1925-1927 гг., съ 1-го сентября с. г. на нихъ цѣна повышается вдвое.

Въ мышцахъ сила, въ сердцѣ отвага, въ мысляхъ родина.

РУССКІЙ СОКОЛЬ

въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ

**Органъ Правленія Краевого Союза
Двухмѣсячный журналъ**

Редакція обращается къ братьямъ, сестрамъ, и ко всѣмъ русскимъ патріотамъ съ горячей просьбой содѣйствовать журналу своими трудами, распространеніемъ его и посильной матеріальной помощью.

Адресъ редакціи:

Београд, Кр. Милутина 48, стан 3 „Руски Соко“

Текущій счетъ въ „Поштанской Штедионици“ № 53156. При сдачѣ денегъ на текущій счетъ надлежитъ указывать — на какую цѣль.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 25-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.
За границу . . . . . 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БЪЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4
и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 латъ, въ
Эстоніи—280 мар. эст., границей—86,5 амер. центовъ.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„ В Ъ С Т Н И К Ъ “

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ

Парижъ, 10, Vid. Montparnasse (15-e)

Цѣна 3 фр. / Годовая плата 35 фр. / Третій годъ изданія.

Продажа въ русскіяхъ книжныхъ магазинахъ. Печатаются статьи
духовнаго содержанія, особенное вниманіе обращено на анти-
религіозную борьбу въ Совѣтской Россіи и на отношеніе къ вѣрѣ
русской молодежи.

Выписывайте бесплатно пробные номера.

Вышла изъ печати пятая книга

Б Ъ Л О Е Д Ъ Л О

Лѣтопись Вѣлой Борьбы

Подъ редакціей А. А. фонъ-Лампе.

Вся книга посвящена

ЗАПИСКАМЪ ГЕНЕРАЛА П. Н. ВРАНГЕЛЯ.

(Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.). ♦ Часть первая.

Вторая и послѣдняя часть будетъ помѣщена въ книгѣ шестой, которая выйдетъ
изъ печати въ августѣ 1928 года. Обѣ книги выходятъ въ значительно увеличен-
номъ объемѣ, снабженныя многочисленными схемами и фотографіями, почему стои-
мость по два доллара двадцать пять центовъ каждая.

Согласно волѣ генерала Врангеля, частямъ Русской Арміи, воинскимъ союзамъ
и чинамъ ихъ (по удостовѣренію правленій) на 5 и 6-ую книги дѣляется скидка
въ 40 процентовъ.

Книги I, II, III и IV по цѣнѣ 1 долларъ 75 центовъ. Выписывающимъ непо-
средственно изъ главнаго склада всѣ четыре первыхъ книги, установлена
скидка въ 25 процентовъ.

Всю корреспонденцію просятъ адресовать на имя редактора

„Бѣлаго Дѣла“, Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43 IV

Главный складъ: „Grad Kitesch“, Berlin W62, Kleiststr. 21

Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W15, LIETZENBURGER STR. 43 IV.
A. BUNGE.

БЕРЛИНЪ W15, ЛИТЦЕНБУРГЕРЪ ШТРАССЕ 43IV
A. БУНГЕ.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Варшавѣ черезъ книжный магазинъ Добро
Krakowskie przedmiescie 53;

для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинъ-Модягоу.
Черноморская ул. 31;

въ Южной Америкѣ
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Neue Redaktionsadresse:
Berlin W 15, Lietzenburger Straße 43 IV
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.